

Мишель Верса

ШЕСТЬ НОТ

18+

Мишель Верса

Шесть нот

«Автор»

2026

Верса М.

Шесть нот / М. Верса — «Автор», 2026

Нелегко быть принцессой. Что ни день – приключения, жесткие правила, а то и вовсе покушения. Дракона, могущего поправить положение, забрали. А когда тебя пытаются принести в жертву подземной царице... Кто выручит наследницу, противостанет темным предвечным сущностям? Справится ли заоблачный рыцарь, любимчик дам и баловень судьбы? Судьбы все-таки пересекаются, не говоря уже о мирах.

© Верса М., 2026

© Автор, 2026

Мишель Верса

Шесть нот

*«Туда, где есть лишь только грезы,
В край самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев»
(Николай Гумилев
«Однообразные мелькают»)*

Прелюдия

Раз-два-три, раз-два-три...
Слышите? Случилось.

Тронулось, двинулось с точки равноденствия, заколебалось – дирижер смахнул сумеречную тень, тронул волшебную палочку, и вот, занавес взвился, обнажая сцену, уступая дыханию рассвета – дерзкого, долгожданного. Выстраданного.

Отполированные, украшенные партитурой пюпитры сияют торжеством, ВЗМАХ – и нежным шелком вступают басы. Безупречное романсирование...

Исполняемая интерлюдия божественна, и вышние духи внимают возникшему канону – басам вторят тонкие, ни одной мерой неопределимые отзвуки, робкие и трепещущие, но это пока что...

Быстрее. Услуги метронома уже не требуется. Пульс учащается, канон неудержимо расцветает, цезуры сокращены; разлилось, заполняя пустоты, роскошное легато – и никакой фальши.

Раз-два-три, раз-два-три...

Узорчатые рукава согласно взметнулись: тонкие руки отзываются, ложатся на плечи. Не нужно смотреть под ноги. Только в глаза...

Раз-два-три! Пара плавно отрывается от студеного мрамора, двое отдаются движению, отражаясь в небесах, – все ближе, доверчивее и теснее, изящные пируэты кружат головы... высоты вспыхивают – унисон достигнут, а шлейф его несется сквозь созвездия... и где тут обращать внимание на костлявые длани умертвия... Сгинет, как и не было.

Только в глаза. Если губы не скажут – глаза не солгут.

*В дуэте двое победителей
Когда страстей огонь бушует
Не остается зрителей
Все танцуют*

Где же? Здесь – открыто, принародно.
Когда? Давайте разбираться...

На самом деле, это все зазвучало, только-только отгрохотала брань, остыли доблесть и насытившаяся сталь, а эхо войны рассеялось без остатка. В Мирте (так именует Светлые Королевства тамошний легендарий) установилась покойная затишь, как бы по написанному, в качестве изысканного финала, когда высокородные возлюбленные обретают, наконец, власть вершить судьбы без опаски за совместное и сопредельное будущее.

Его титулованное величество король Эллей Гелвийский, ведомый исключительно нежными мотивами по отношению к своей новобрачной, прелестнейшей из возводимых на престол королев, завел порядки справедливые и для зачинщиков беспорядков невыгодно суровые – сугубо в интересах как обожаемой супруги, так и многочисленного высшего общества. Гвардейские легионы в рассредоточенном порядке обеспечивали стихийно возникавшим нарушителям сопровождение под арест или чуть подальше, откуда нет возврата. Как разносилось потихому в тех самых легионах, возвернуться *оттуда* сподобился сам монарх, и не так давно. С резонансом. А всем остальным дорога сия была заказана по причине слишком очевидного нравственного несоответствия. Ну, сами виноваты.

Речь наша, собственно, сводится к тому, что воители все чаще обращались к мечу и забралу лишь в приятной ретроспективе, как правило хвастливого толка, подогретого известными воспламеняющими память и достоинство жидкостями, легко горевшими синим факелом прямо в кубке. Красиво, ярко, и никого не надо арестовывать.

Именно об этом достижении информировал короля некий привлекательный и утонченный военачальник в тот самый вечер, когда началась эта симфония.

♪♪♪♪♪

Часть первая. Была бы честь предложена

Глава 1. Сыр бор по-королевски

Юная Флера пропала. Так резюмировал король. Исчезла вряд ли предумышленно, но непредсказуемо. Резво изгладила следы своего присутствия со всех доступных приборов, составлявших надежнейшую, основанную лично королем (еще в бытность генеральствующего герцога) систему наблюдения.

Положение осложнялось объективными причинами. Пребывая под самым пристрастным попечением, юная особа ни о чем таком не подозревала. Посему не сочла нужным сообщить, хотя бы вкратце, куда направилась, или в какие края понесла ее нелегкая девичья непосредственность по случаю на днях обретенного совершеннолетия. Даже записки не оставила.

Убранство весьма камерного по размерам приемного чертога, выдержанное в лаконичных жемчужных нотах, откровенно недоумевало по поводу сего поступка, в высшей степени безалаберного.

Густо-пурпурное пламя колыхалось в глубине камина настороженно и зябко, острые языки его вздрагивали, фантастические силуэты взирали из глубин гобелена, не решаясь озвучить в присутствии короля версии инцидента. Слегка угловатые линии интерьера выдавали напряжение, а в панораме небес наблюдались примерно те же настроения: бледные, явившиеся на бархатной синеве созвездия Клира пульсировали если не усиленно, то весьма взволнованно.

Это могло означать лишь то, что...

— Тея невероятно озабочена, — пояснил государь, имея в виду возлюбленную – королеву, которой ни в чем не мог отказать по причине редкостного чувства, ничуть, впрочем, присутствующего гостя в удивление не ввергавшего. Посетитель и сам проявил бы точь-в-точь подобное отношение, если бы ему на роду выпала такая привилегия.

— Иннир знает? — Гость, а объективно – давний соратник и близкий друг государя, вопросительно взъерошил темную шевелюру, блестящим каскадом подчеркивавшую его достоинства.

Он не столь был высок, как его величество король, но статью и внешним благородством ничуть не уступал. Немного проигрывал в плечах, был изящно тонок талией, но в целом производил самое гармоничное впечатление подлинного легарийца по рождению, а по жизни – записного ветреника, доводящего придворных красавиц до полуобморочных истерий, когда их мягко отвергают за ненадобностью. В сей момент, отмеченный мягкими сумеречными штрихами на стенах и отчетливой тревогой государя, в сукне расшитого тонкой позолотой камзола

покоилось с полдюжины одухотворенных (в смысле, нежно и призывно благоухающих) предложений в письменной, весьма каллиграфической форме. Заманчивые, ни к чему в перспективе не обязывающие пропозиции к дипломатическому диалогу на ближайшие, сколь отведено Небесами, окутанные таинством реантской ночи часы. Что такое реантская ночь – не объяснить, ее нужно пережить.

Все это невинное бесстыдство рассредоточилось по надушенным карманам самопроизвольно, при посредничестве курьеров, едва глава почетного королевского легиона лорд Стейн явился в Тер-Реоне по важному государственному делу.

— Иннир? Нет, не знает, представь себе. — Государь поднялся, направился к раскрытому окну с враз обретшими самоцветную трехмерность звездами. — Парень в тренировочном походе за Армусом, напару с Кеддой. Отбыл по собственной инициативе, хотя отговаривали. «Нужно соответствовать» – вот и весь сказ, не попишешь. Связаться с ним можно, но он ведь непременно за ней спустится...

— Ясно. Тея будет сходить с ума, можешь не объяснять. Баэль с ним? Есть ли возможность взять след? Дракону это не составит труда.

— В том-то и дело, что с ним. — Эллей всматривался в Ланниакую – крупнейшее созвездие северного полушария, уже полноценно взыгравшее сапфировой дугой под его взором, к особому восхищению гостя. — Но, во-первых, его интуиция уже настроена на Иннира. Это поправимо, но... по моим данным, девушка пропала в лесах Лейланда. А в лесах, сам понимаешь, нужен следопыт. Парящий над чащей дракон, каким бы ни был умницей и пиротехником...

— Само собой, по большому счету бесполезен, — согласился щегольски выглядевший гость. — Глаза как, меняют пигмент? Голубеют? — спросил он как бы между прочим, дружелюбно, тонко улыбаясь.

— У сына? Понемногу, но очевидно, — Эллей отразил улыбку – в его исполнении она вышла неимоверно удовлетворенной.

— Повезло тебе с близнецами, — поддержал командир легиона, ответил на благодарный взгляд: — На чем я отправляюсь? Аргант заберет?

— Аргант вскоре присоединится, выйдет на контакт. — Эллей шагнул к товарищу, который стоял уже с полной выправкой офицера, готового к перемещению в любую точку Вселенной со всеми приложениями к дорожным утехам. — Воспользуемся услугами Хроноса, дружище. Да и Тее не терпится приветствовать бесстрашного, безотказного командира...

Лорд Джейс Стейн не первый раз на правах особо приближенного присутствовал у венценосной, не так давно обвенчанной пары. Всякий раз романтическая, в самой основе уязвимая натура его умилялась, улавливая порывы беззаветно преданных влюбленных. Всякий раз его влекло к краю обрыва, в который проваливаться самолично, отключив голову, еще не доводилось. «Придет пора – и рухну», – так звучала классическая увертка на предложения короны посодействовать в чисто житейском брачном вопросе, рано или поздно огорошивающем всех безбедно живущих на этом свете.

Низвержение в туманную пропасть с неизвестным исходом всякий раз откладывалось. Король сии экзистенциальные опасения понимал и шибко не настаивал. Что до королевы, услуги по налаживанию подобных связей Тея предлагала с особо милым расположением, но, некогда по-крупному увлеченный ее прелестным величеством, Джейс не прибегал к столь щедрому вспоможению. Не чувствовал себя созревшим, морально честным, да и вообще...

Послания с амурной подоплекой с неизменной частотой заполняли его карманы, но не пределы сердца, и ни сладостные эти писульки, ни вытекающие из сих бумажек последствия не приносили главе легиона удовлетворения, хотя бы приближенного к боевому. Лишь очередное головное кружение и удивительное ощущение свободы при разрыве, поскольку он «бес-

чувственен как самое очерствелое бревно и совершенно не способен сделать чье-то счастье». Герою эпохи прощалось все.

Пока друзья, следуя переплетению коридоров, шествовали в приемный покой под взор светлой королевы, маркиз со свойственной ему подвижностью мышления воспринимал все вводные и параллельно обмысливал личные достижения с точки зрения приятно упущенных семейных возможностей и смутных перспектив отхода в караулившую неведомо где пропасть. Где же? В лесах Лейланда? Предвосхищение, бессознательным гонгом екнувшее в исконно романтической сути, было немедленно истолковано как покушение на мужескую самостоятельность, нещадно осуждено и изгнано из канонов мировосприятия. Плюс к тому, «подследственная», к коей благоволит не кто-нибудь, а королевич, — априори существо неприкосновенное... И откровенно юное, даром что совершеннолетнее. А суммарно — дева, потерянная в лесах Рухнувшего мира, производит скверное впечатление, и шаг героя отчего-то ускоряется... Вроде как нужно поспешать.

— Эл, — неожиданно для себя сказал он, — тебе не кажется, что парня все-таки следует информировать? По меньшей мере для порядка?

— Кажется, — Эллей взглянул серьезно. — Как только тебя проводим — сообщу...

— Вот и ладушки...

Маркиза обрадовало теплое королевское приветствие. Тея, серебристо искрясь в воздухе, подбежала к паре, явившейся для решения горячей проблемы, — прелестное творение в укрывавшей паркет мягко шелестящей робе. Безупречно серые очи искрятся под светлыми прядями, неповторимый рисунок переплетений подсвечен тиарой, в серебряных гнездах — аметист и карнеол. Уголки коралловых губ изгибаются учтиво и в самых дружественных посылах — истинно, так способна принять гостя лишь королева королев.

Тончайшие рукава легко и воздушно взлетели от непритворной радости, Тея осенила ими гостя и, взявши под руки обоих джентльменов, повела к назначенному на сегодня средству передвижения. Величественные часы вышли уже из стены, вздымались размытым фиолетовым контуром выше окропленных звездами оконных проемов, уходили в прохладную дворцовую неизвестность.

Его превосходительство таял от проявленного доверия, и от приема, и от возложенной на него задачи, и от неизведанного доселе способа перемещения. В неисхоженных нижних мирах командиру не приходилось ни бывать, ни воевать, ни тем более отыскивать и спасать опрометчиво сгинувших девиц.

— Маркиз, безмерно благодарю вас за оказанную услугу. — Взгляд королевы волновался под сенью предлинных серебряных ресниц, и ей мелодично, неповторимыми переливами арф и виолончелей вторили настенные струны. Поднявшаяся политоническая волна гулко прокатывалась через сознание его ошарашенного превосходительства, заполняла надежно укрытые, доселе неуязвимые пределы. Пока она не вымолвила, словно бы под влиянием покровительственного прозрения:

— Возможно, вы сами найдете то, чего долго и безуспешно желаете...

Фигура маркиза приняла состояние крайней настороженности, но объяснения последовали совсем по иному поводу. Тея сосредоточилась на способностях Хроноса к безболезненному и почти незаметному переносу путешествующих по мирам и пространствам. Сколько космических единиц Джейсу предстояло преодолеть одним махом — подсчитывать не стали, хотя цифра напрашивалась солидная, умом непостижимая. Эллей, не раз таким способом перебиравшийся на дальние берега, ободряюще кивнул, шепнул нечто под предлогом дружеского прощального объятия.

Хронос завораживал, не отпускал. За границами смутно различимых стрелок величиною с копыта великанов перемежались видения трудно выразимые. Меж клубами рвущегося навстречу пространства Джейс, казалось, зрел в нем нечто огненно-изящное и отдельно — свое

превосходительство, но несколько отличное. А вот в чем отличное и насколько... — это была закавыка почище дилеммы с сеансом одновременной игры — свиданием на несколько фронтов. Он не отводил взгляда от зыбких, причудливо менявшихся пятен, очертаний, гребнями вздымавшихся и опадавших.

— Маркиз, то, что вы совершите, отзовется великим отголоском... — донеслось сквозь стон продиравшихся к нему материй и, с трудом оторвавшись, он повернулся к Тее, склонившей голову в чистой трогательной манере. Лицо ее сохраняло величественное решение, а глаза умоляли:

— Отыщите юную леди, прошу вас...

Нет, вовсе не о королевиче заботилась она сейчас... Или он все же ошибался, что вполне допустимо в отношении ее прекрасного величества. Отчего-то опасаясь продолжения обретенных уже недомолвок, он поклонился слегка порицающе, но никаких смущающих сигналов не последовало. Правда, улыбнулась она так, что он все понял.

В следующий момент его унесло некими, как показалось, одушевленными, трясущими бородами ветрами за грани не только Тер-Реона. За пределы самого намека на такое выдающееся пространственное измерение как Мирта, или Вышние Светлые Королевства.

Тея выдохнула. Светлые локоны струились. Какое-то время она медлила в развеваемой серебряным бутонем робе, губы тихонько шептали в расплывчатую поверхность, унесшую путника. Повернулась к королю, бессильно опустив униженные алмазным бисером рукава-пагоды, прелестно кусая губы от переживаний. Приблизившись, Эллей обнял, приподнял хрупкую фигурку, поцелуем запечатлел нежное чело под волной светло-русых волос. Взглянул в роскошные огнистые сумерки, заповившие оконные пустоши. Сказал убедительно:

— Ваше величество, а время ведь позднее... Приятный отдых вас успокоит. Разрешите вас сопроводить...

Король вынес серебряное сокровище из трона под восхитительное матримониальное сопровождение струнных волшебников.

Глава 2. Через «ять»

Джейс взял след.

Не сразу он обвыкся в криволесье, не то чтобы абсолютно чуждом. У местности наличествует не только дурная репутация, но даже имя — Лейланд, а это облагораживает. Не Фангорн, не хмурая тайга, не такая уж битая глушь. Вполне себе сносная смешанная пуща. И не сказать даже, что это чаща. Ча-ща — писать через «я», думал он, прорываясь через зазывавший застрять в нем навечно малинник. Потому что если не я, то кто?

Пересеченная деревьями и топкими чавкающими овражками местность — дело привычное для следопыта. Только вот атмосфера подводит и слегка обескураживает. Не мешает добавить яркости. За сплетением столетних крон светила и не различить, будто нет его вовсе, а облака по остаточному принципу рассеянно обеспечивают что-то вроде видимости. Света достаточно для того, чтобы не обнимать опрометчиво каждый ствол и не заваливаться за трухлявые пеньки.

Пользовать услуги локальной связи в виде эха, распространять громогласно на всю тайгу пресловутое «Ау, люди добрые!» он не планировал, иначе в заповедник бездорожья его бы не отправили.

Он был прилично экипирован, в смысле оснащен беспрецедентной поисковой механикой Разумных и всякого рода сообщением — с Эллеем, своими легкими на подъем легионерами и аргантом — смышленным межпространственным корабликом, готовым вскорости оказать поддержку. Все это сказочно технологичное оборудование, как сговорившись, одно за другим приказало долго жить, едва его вынесло из ветренных объятий Хроноса. Многофункциональным хронометром можно отныне без зазрения совести забивать гвозди или сшибить на лету

сдобную птицу, дабы физиологически поддержать себя и ненайденную спутницу. Хорошо еще, спички из дерев Каррского леса действовали безотказно, потому что лишены электронной составляющей. Он проверял. И хорошо, что удосужился прихватить арбалет, а эфес и его превосходительство – неразделимы.

Явившись по иронии судьбы на склоне, ведущем к непрезентабельному провалу, глава легиона, как можно сообразить, сунулся от него подальше, доверившись хитросплетению буграков. Напав на след, жуть как обрадовался. Но вскоре поостепенился – запомнил уточнить, как именно выглядит разыскиваемая леди – каких она хотя бы объемов, комплекции. Какого роду-племени, хотя это не суть. Какого нрава, мироуклада. Близка ли ей поэзия. Что ему грозит в случае слишком настойчивого силового захвата, то есть спасения, если леди страдает непредсказуемостью реакций, или она невыносимая совершеннолетняя недотрога, каких в природе не сыщешь.

Сих подробностей он не удостоился. Знал лишь нежно-цветочное имя. И вряд ли оно принадлежало особе, которую он «срисовал» в дебрях.

Поначалу ему причудилось, что беглянка слишком расстроена ландшафтом и привязавшимся на этом фоне унынием. Ворчание, что он услышал, напоминало тягостный внутренний монолог и вовсе не изобличало особу, за которую впрягается сам король и тем паче королева. Либо дитя совсем потеряло голову от встречи с прекрасным, либо... вот именно, не дитя это вовсе.

По-рысьи сократив расстояние, следопыт со стажем различил полы хламиды, рванной, удивительно гармонизировавшей с проглядывавшей там и сям подножной сыростью. Он медлил зажигать фонарь, который, по счастью, был исправен, – выхватывать крупным фокусом прелестную незнакомку не представлялось целесообразным.

С азартом востроглазого хищника сквозил он неслышно меж стволов, ловя ворчливые обобщения, покуда на фоне поредевшего ельничка не идентифицировал объект. Разумеется, им оказалась старуха, не сказать что одуванчик. В долгом обветшавшем, как и сама, хитоне, древней выделки конической растрепе, к коей за древностью лет зарекались цепляться ветвистые длани, а то мало ли что. Спутанные волосы оттенка поседевшего пепла выдавали особу, знавшую себе цену, но не слишком впечатленную собственной внешностью вот уже полсотни лет.

Ни торбы, ни ягодной корзинки или хотя бы туюска при лесной фее не было. Значит, здесь она бродила, а вернее – стойко перла по целине, пособляя себе суковатыми палками, с какой-то иной, более возвышенной целью. Возможно, верталась до теремка, но спутала поворот, что полностью соответствовало логике сего оазиса живой и местами неживой природы.

Джейс лихорадочно протер глаза – старуха во впечатляющем темпе шуровала прямо к пропасти, самозабвенно перебирая палками, не чуя запинаящих корней, ускоряясь как заправленный топливом ракетносец. Верно, предвкушала исходящий парами самовар.

— Женщина! Миссис!

Грубовато, с налетом фамильярности, слов нет. Вырвалось... Что ж, охотник изобличил себя по всем статьям. Но что ему оставалось? Оплакивать лесную кудесницу, даже не представившись?

Старуха недоверчиво споткнулась. Джейс почему-то с трепетом ждал, покуда она развернет к нему свою хламиду. Глава непобедимого королевского легиона и не предполагал, что можно впасть в священный ступор в полесье Рухнувшего мира, заробев пред субтильной женщиной. И вовсе не заробев. Слегка дрогнув. Одно было очевидным для закоренелого следопыта: перед ним не юная мисс, а именно миссис.

Не оборачиваясь, словно бы шадя собеседника, старуха со свойственной представителям золотого века сварливостью отшамкала, что никто отродясь в этом забытом богами и туристами

захолустье не величал ее женщиной, тем более вульгарной во всех отношениях миссис. Затем неспешно, как в эпизоде с ужасами, живописно повернулась к обрыву задом, к нему передом.

К чести ее молвить – не шокировала. Была непомерно тоща, оборвана, землиста носом, ликом и, видимо, телом. Но отвращения не внушала (скорее, стойкую жалость и даже уважение – в зародыше). Зыркнула на Джейса, и у него зачесалась переносица – до того пронзительным, небесно-синим и судьбоносным был взгляд. И речь – тоже. Бабушка не из стеснительных, потемневшие от времени и невзгод губы склоняют олухов, коих понапихано в лесу под каждой окривевшей елкой в условиях бездорожья. Что характерно – обнаглели.

Джейс не противоречил, стоял, скромно потупившись, принимая заслуженную отповедь. Исподволь изучал непреднамеренно задержанный объект – высокохудожественная, состоявшаяся жрица леса на закате славы. Богиня старости, в беззлобном смысле восприятия. Легендарный, истлевший почти ведьмин колпак, гирлянды связанных ожерельями сушеных грибов на скупо обозначенной груди – вывод очевиден.

Старушеница замолкла, не слыша противоречий, с назидательной гримасой персоны, вставившей-таки последнее слово. Создала видимость, что собирается развернуться на круги своя, и два лесных посоха ей в подмогу.

— Бабушка! — не выдержал Джейс, не готовый становиться свидетелем старческой саморасправы на фоне слишком затяжного, как пить дать неблагоприятного долголетия.

— Чего голосишь, темнота? — иступленно зашипела бабушка, как оскорбленная смотрительница в избе-читальне, замахала костылем. — Лес шума не любит, неужто не учили?

— Там – пропасть! — наглым шепотом выразил основную мысль Джейс, указывая на путь ее следования.

Старуха глянула на него как на безнадежно умалишенного, снисходительно покрутила давно увядшей головой с алогично синими прорезями для глаз – вот, мол, дают лапотники – и чухнула по азимуту с неожиданной резвостью. Ругая ее, себя и все чудеса Лейланда на чем свет стоит, Джейс бросился вослед. Происходящее ему категорически не нравилось, но иного выхода он не видел. Избавленная от гибели старушка могла на радостях много чего сболтнуть. Но, очевидно, не горела странница желанием раскрывать первому встречному подноготную местных трущоб.

Он уверен был, что она не чувствует, куда ведут ее собственные палки, мельтеша в воздухе как заправский боевой арсенал. Правее, левее – так пробовал он убедить старообрядицу, но она притворилась глухой и вроде как незрячей.

Перед обрывом в бездну, курившуюся сыростью вперемешку с сумраком, Джейс приготовился снять шляпу и внутренне проиграть подходящий для сего случая музыкальный фрагмент си-минор. Удержать странницу от демарша не представлялось возможным: еще посохом возрад, а то и двумя. А он при исполнении...

И все же с уст его сорвалось протестующее «Не туда-а-а!» и зазвенело довольно вызывающе, несмотря на дружеские бабкины предупреждения. Эхо подхватило душераздирающий окрик, понесло по оврагам, равнодушным кронам, тщательно расщепляя мольбу на богатейшую по звучанию палитру.

Старуха в знак протеста засуежилась, участила шаг и прямо-таки вылетела в облачную взвесь, рвано вздымавшуюся из гибельных глубин.

Забыв снять шляпу, Джейс оторопело тарачился, как она браво, не без кокетства марширует по воздуху, несколько не меняя ни траектории, ни темпа. Мысли о том, что так заведено в колдовских альянсах Рухнувшего мира, не успели оформиться в его голове, ибо старуха одумалась, придержала спесь и эффектно оглянулась.

— Бабушка, научи! — произвольно вырвалось из его уст. Это все, что он сподобился вымолвить под напором обстоятельств.

Глава 3. Искомое

Дряхлое создание в колыхаемом ветром, ободранном – остросюжетном даже – балахоне недвижно стояло над бездной, в нескольких ярдах от него, глядя пронзительно и неодобрительно. Мол, незачем так орать, и так все слышно.

Джейс запоздало прикрыл ладонью рот, в знак понимания.

Старуха хмыкнула и, видимо, передумала отчитывать громогласного бездельника – шагнула к берегу, демонстративно опираясь палками о воздух. Джейс на правах первейшего светского льва не без трепета выступил, подал ей руку, опасаясь, что дама передумает и прилюдно рухнет в манящий простор.

Она непереводаимо буркнула под нос что-то на лейландском диалекте, отставила одну из палок, замершую ровно в том положении, как ее отвергли. Приблизилась, прихрамывая на ногу, оставшуюся без опоры, схватилась за галантно предложенную кисть иссохшей пятерней с длинными, не знавшими излишеств ухода ногтями.

Джейс стоически выдержал церемониальную экзекуцию, и старуха, приосанившись, ступила на траву, словно сошла с трона, предварительно сорвавшись с поднебесья. Потом вопросительно воззрилась на него, недвусмысленно косясь на брошенный кривоватый путеводитель. Джейс идею уразумел, но ее реализация... старуха тем временем вызываясь зыркала, молчала, сопела, намекая, что именно сей бесстыжий шалопай при благородной шляпе, и никто больше, виновен в ее прогрессирующей хромоте.

— Спрашивал, касатик? Ступай, учись, коли не шутишь! — сухо заявила владелица волшебных посохов. — Или не сыскать тебе пропажи, аки прошлогоднего снега!

Шантаж? Не похоже. Зачарованно, не отрывая взгляда от пламенеющих синевой хрусталиков, он подошел к пропасти, наобум, навскидку пошарил рукой в близлежащем эфире, надеясь на понимание со стороны выструганного в незапамятные времена орудия. За древностью лет, орудие не реагировало, а бабка смотрела раздраженно и гневно.

— «Баушка, научи!» — передразнила она, используя как аргумент его собственный голос и даже интонацию.

Это было уже слишком, но Джейс, проглотив очевидный факт колдовской манипуляции в чуждом лесном массиве, миролюбиво напомнил:

— Я сказал вам «бабушка» ...

Не помогло – старуха неожиданно по-молодецки выпрямилась, словно собралась показательно сосчитать до трех (в ее суровом случае – до одного), и он отвел взгляд, обреченно повернул корпус к той самой пропасти. «Все по плечу», — провожая, шепнул ему в ухо венценосный командир.

— Не тяни, нездешний рыцарь: секунды летучи и неуловимы, и возврату не подлежат, — ласково и певуче, неопознанным тембром донеслось со стороны тыла. В конце концов, если бы эта подпольная эквилибристка хотела, давно отправила бы его в неизвестность. Изящным взмахом трости.

— Все по плечу! — чуть не по слогам прошамкал в спину немелодичный голос, прозвучавший как пароль, — большего убеждения не требовалось. Рванувшись со стиснутыми зубами к зловредному костылю, не ощущая под ошалевшими ногами ничего, кроме ничего, он почти насильно выдернул его из воздуха. Как заново очутился подле бабушки – не отложилось в сознании, но великосветского разума и галантности легионера хватило на то, чтобы преподнести заветную опору не иначе, как в склоненном почтении.

Блаженству странницы не было предела. По всем признакам, она готова была рассыпаться в благодарностях и заодно слезно похвалить, следуя старческому максимализму, но мужественно сдержалась.

— Сударыня, — начал он совсем вежливо, взглядывая на частично оживший хронометр.

— Знаю! — пасмурно перебила фокусница, из-за пазухи достала некую шустроглазую кукушку-пеструшку, беззубо пережевала некую потенциально неприличную дрянь, добытую из кармана повышенной изношенности, принялась угощать пичугу, которая вовсе не брезговала. Видимо, на ихнем лесном хронометре тоже обозначился тусклый освещением полдень, чреватый какой-никакой трапезой.

Джейс не выдержал зрелища и на полном серьезе предложил рваной старушке материальную и физическую помощь. А кукушке — любое обеспечение в условиях орнитологического пансиона, пожизненно. Старуха синевато зыркнула, но побряхтела весьма счастливыми обертонами, всем худосочным обликом дала понять, что позволит ему посвоевольничать, но позже.

Далее дама вспомнила, будто позабыла нечто в полах своей хламиды, и по сей причине передала ему кукушечку, сыто моргавшую круглыми глазками. Джейс ответственно принял ношу, пичуга коготками впиалась ему в палец, словно в последнюю надежду. А старушка повела себя непоследовательно, самым вызывающим образом обратилась в деву неимоверной красоты — пшеничные распущенные локоны, тонкий стан, превосходства которого легко заметны даже под мантией, переменившейся из изодранной холстины в золотистую парчу.

Его превосходительство Джейс Стейн по всей форме остолбенел, как и положено в нестроевых гражданских ситуациях. Кукушка же — с большой долей вероятности — изначально приучена была к внезапным метаморфозам со стороны окружающей среды.

Ясноглазая дева молча, ослепительно улыбнулась Джейсу и пропала из виду, оставив его в стойком припадке хлопать глазами, пока кукушка не привела его в чувство, деликатно, но преобольно ущипнув за палец длинным клювом. Джейс шикнул на нее, но глаза пичуги полны были самой бессовестной непричастности. Он не представлял, что с ней делать и чем потчевать, если придется, а она посматривала остренькими зрачками, словно ждала дальнейших приключений. Или же конкретных указаний от боевого командира.

Он вдруг встрепенулся, уразумев, дернулся всем телом, всеми оторопелыми мускулами. На ломаном командирском изложил ей суть поисковой своей проблемы, отчего-то отчаянно жестикулируя, будто сомневаясь в ее способности воспринять устный текст. Начал он классически:

— Понимаете ли, сударыня, где-то в этих благодатных краях заблудилась одна мадемуазель...

Пичуга, продолжая использовать его палец в качестве насеста, выслушала его, отсмотрела все жесты, откровенно скучая, чуть не зевая, заводя круглыхонькие глазки к небесным горизонтам. Словно знала, о чем ей докладывают. Дождалась окончания сумбурного, на удивление несвязного сказа (к слову, он и сам себе удивлялся), пружинисто вспорхнула и перелетела на деревце поодаль. Не смея надеяться, Джейс оторопело подошел, и птаха снисходительно полетела дальше, всякий раз ожидая его, приземляясь в пределах видимости.

Глава 4. Два мира, две планеты

В маленькой королевской спальне не зажигали ни светильников, ни свечей.

Перевитые канделябры покоились в густеющем сумраке, никто не думал беспокоить стародавний дремлющий воск. Рядом с постелью бездымно рдел камин, распространяя ало-золотистую теплоту среди мерно блуждающих теней. В стрельчатые окна переливчатым сапфиром вливался свет, деликатно пробивался сквозь тончайшую молочную кисею. Оконные драпировки вздрагивали от прохлады.

Тея безмятежно засыпала, укрывая светлокудрыми прядями грудь Эллея. Обычно он наблюдал в разливавшемся тихом свете, как она погружается в сон, находясь в его руках, любовался, как неторопливо исчезают серебристые капельки влаги над коралловыми губами и ниже сомкнутых век, выступившие от его пылкости и горячего внимания.

— Отпустишь меня туда? — спросила вдруг Тея невинно, замерев в ожидании ответа. Эллей улыбнулся: тонкие пальчики застыли на его груди, узкая ладошка скрыла подаренную ему подвеску с двумя алмазными сердечками – сердце в сердце, впаянные друг в друга сущности атланта и реантки.

Эллей превосходно понимал ее порыв. Эпохальные сдвиги не обходятся без прямого содействия державной особы, тем более столь прелестной. Именно поэтому безопасность ее в подведомственном мире следует считать самой условной. Но изведавшему преглубинные рубежи венценосцу теперь все нипочем...

— Ну что вы, сокровище мое, как можно... — он тихо перебирал отяжелевшие от влаги лняные пряди. — Предоставьте это мне.

Она живо приподнялась, оперлась на атлетический торс изящными локотками, шелковистые локоны заскользили по скульптурным выступам:

— Ты понимаешь, что... — в глазах ее светилось неземное, неизведанное счастье.

— Согласен, — улыбнулся он, нежно ее поглаживая. — И настаиваю на твоём опосредованном участии. Штурман справится, коль ему назначено. Дождемся добрых вестей...

— Как бы хотелось хоть одним глазком увидеть Нийю... — мечтательно протянула Тея, отчего Эллей спрятал ее в теплом объятии. — А если меня сопровождает Оня?

— Ваше величество желает слишком много невозможного в подлунную пору, — Эллей максимально приблизился к задающей вопросы, глаза в глаза. — Антильская рысь, разумеется, очень весомый аргумент. Но...

Запуская пальцы в буйство темных волос, Тея успела прошептать:

— Я если со мной будешь ты? ...

Джейс следовал за крылатой проводницей. На сей раз позицию штурмана слегка преувеличили. Пичуга упорно увлекала его в сердце чащобы, при этом столь же упорно помалкивала. Джейс тайно начал подозревать, что воспроизводить какие-либо звуки или хотя бы первобытно куковать – она не приспособлена. Старушка хотя бы вела односторонние воспитательные беседы.

Собственно, он отвечал взаимностью и хранил молчание, пусть и нестерпимо тянуло выразиться в сторону словно бы нарочно возникавших на пути пеньков, коряг, приставучих шипастых кустов с невиданными колючками, витых корней, бесцеремонно цеплявших путника за каблуки, и изумительно задрапированных хворостом ям, напоминавших ловушки для ежей. Да и света белого по мере проникновения в чащу становилось все меньше.

Случайно сметая перчаткой какого-то гнуса с лица, он обнаружил на ней знатный, сгустившийся уже кровавый след, усмехнулся: вот так искусно, неприметно ранен при исполнении. Не сгинуть бы в этом славном дендрарии так же небрежно для своей персоны – в конечном счете, он пока что командирован и себе не принадлежит, и где-то томительно ожидают его помощи, судя по порывистости лета кукушки. Сейчас вся надежда на избавление юной особы сосредоточилась в одной малой точке – рябенькой необщительной пернатой, влекшей его неведомо куда в тених и буераках.

Летуны явно спешила, о чем поведывала нетерпеливым вспархиванием и подергиванием пестрого веера, и вскоре Джейс всерьез проникся ее беспокойством, будто бы в самом деле все секунды были на исходе. Хронометр неисправимо работал только в режиме наручных часов, и времени с тех пор, как они начали марш-бросок, утекло уже немало.

Пичуга наконец вмерзла в ветку и деловито прислушалась, Джейс по забавной инерции скопировал ее, но здешний полумрак ничем особенным не отличался в плане звуков – лес жил как ему веками ниспослано: вокруг лишь влажноватое дыхание ветра, шелест, постукивания и поскрипывания, токовище и птичий гам совсем неподалеку. Гам! Джейс вопросительно уставился на проводницу, и она тут же выдала себя. Нет, не куковала, не кукарекала – и не

думала настолько притворяться чем-то иным по сути. Просияла не по-птичьи, вспыхнула сочным оранжевым снопиком, озаряя ближние окрестности фееричной бисерной зарей. Брызнули по сторонам света лучистые блики-перышки, окаймленные радугой, стояли ореолом в пропитанном дымкой сумраке и не таяли, а в эпицентре, горделиво воздев голову, совершенно разумно поглядывала великих размеров птица, в полчеловека ростом, не в пример громаднее той самой пеструшки. Пушистое длиннокрылое создание о грустных человеческих глазах, с живописно свисающими, завитыми на кончиках ажурными солнечными перьями, переплетаемыми под воздействием воздуха... Не походило оно на живое видение в лесу – скорее, на летописные репродукции давно канувшей в забвение старины.

Джейс одной частью головы дивился, как это ветка не подламывается под столь значительным шедевром природы. Другим полушарием добросовестно припоминал: некогда, в бытность патриархов, действительно и безраздельно возгуливали в полесьях одухотворенные фениксы. *Стратим* – послушно всплыло название вида, славившегося потусторонними, заведомо гуманными каверзами. Исполняя волю праведных таежных духов, летучие творения хозяйничали, кстати сказать, не только в Рухнувшем мире, но и кое-где повыше – магистр Алерт рассказывал на лекциях, описывал даже случаи. Припомнить бы, чем еще делился магистр...

Плавным наклоном головы птица-стратим недвусмысленно и строго указала на шум. Что-то не ладилось неподалеку, и Джейса это касалось напрямую – отведенное время истекло, не в пору было дивиться и воздыхать.

Он наскоро, но весьма церемонно поклонился, молвил: «Благодарю за неоценимую услугу!» и спорой, неслышной поступью последовал туда, откуда неслся гомон. Едва он повернулся, за спиной гулко и звучно зыграло что-то мелодичное, подобно плотной, дрогнувшей струне первозданных гуслей-самогудов. Он не стал оборачиваться, вполне уверенный, что птицы не стало, как и пречудного марева с огнистыми перышками.

Нет, места здесь просто изобилуют архаичными перелетными образцами – в этом он уверился, углядев быстро и уверенно проследовавшее мимо большое белесое подобие грифона, скрещенного с кем-то еще, без зоологических подробностей. Доселе невиданная птица со знакомым взором – его-то он успел запечатлеть. Любопытно, засмеют его в Тер-Реоне или же похвалят за наблюдательность, если клятвенно заверить, что глаза у грифона точь-в-точь повторяют цвет и выражение, присущие вышнему монарху?

Гвалт, услышанный охотником, производили бесчисленные стаи мелких птиц. Из наспех выбранного убежища Джейс с удивлением взирал, как летучих полков прибывает – слетаются они словно бы со всех концов обеспокоенного леса, чтобы устроить добросовестное собрание и неразбериху, кружа и горланя над убогой охотничьего вида хижинкой со слепыми оконцами и тлеющим обломком трубы.

Кривоватая избушка типа завалюшки благородного впечатления не производила, хоть и возвышалась над своего рода лужайкой на целых два ущербных этажа. Беглого взгляда следопыту хватило убедиться: мирно здравствующие здесь граждане никак не являются ни скотоводами по призванию, ни хлеборобами, и в лесники их тоже не запишешь: возделанных садов-огородов нет, пустячных морковных клумб не наблюдается, сама полянка имеет вид крайне неряшливый. Пожалуй, пространство окрест хижин отвоевано стихийно, исключительно по вине сурового климата, вынуждающего граждан время от времени покидать надежную свою обитель и охотиться на сухостой для сугреву.

Шальная мысль моментально обрисовала варианты: в тутошней полосе проживает на выселках седая убогая гадалка либо несклонные к роскоши гномы, за века свои не заслужившие ни одной случайно загремевшей в их захолустье принцессы, способной облагородить скупой до неприличия мужеский быт. Или нечаянная принцесса все же загремела, и именно сей неблагоприятный процесс сопровождают, протестуя, оголтелые стаи? Наличие мелкоперистых

оружий, производящих немислимый поднебесный гомон и как следствие, пролонгированную мигрень – мягко говоря, настораживало.

Судя по всему, сверхзвуковой вывих головы угрожал не только наружному наблюдателю. Вот, некое движение в нижнем сегменте терема обозначилось: ветхая преграда, державшаяся исключительно на безыскусно прибитых крест-накрест перекладинах, дрогнула, противно взвыли петли. Джейс поморщился.

Из глубины убежища опасливо выпростался субъект, общности с гномами отродясь не имевший – дородный сиворусый детина: откормленная ряха и ружьишко, ряжен в соответствии с местным уставом в костюме обветшалого, сосланного на каторгу аристократа. Растянутые красными пузырями широченные штаны «с запасом», червлёный дорожной пылью кафтанец и ярчайший, шитый чуть ли не жемчугами пояс поверх всего этого непотребства.

С выражением крайне мстительным вояка взглянул в подернутые птицами небеса, сквав гримасу, пальнул наобум, не прицеливаясь, видимо, не имея в виду какую-то надоедливую летучую тварь конкретно. Как дитя оживился, когда птахи, гомоня, брызнули в стороны. Джейса страшно обрадовал тот факт, что ничья невинная тушка в результате беспричинной ненависти не пострадала.

А вот детина не особенно обрадовался, думал зарядить еще, судя по решительной морде лица, но повертел огнестрел в лапшах и сдулся, отчего Джейс сделал приятный вывод о боеспособности засевшего внутри коллектива. Он оглянулся – ни солнцеликих стратимов, ни грифонов... ни вещей стариц – некому вымолвить благословение. Решил уже выступить к приветной двери, благо пни ее – и она рассыплется, но детина, обнаруживший что-то у расшатанного крылечка, брезгливо отшвырнул это нечто, словно в нем проснулась страсть к благоустройству придомовой территории.

Предмет длинным смутным костылем лихо прочертил сумрак, мягко плюхнулся прямоком у логова следопыта. Им оказался псевдостарухин посох с сиявшей на нем, в аккурат ближе к началу (или наоборот, к концу) отпечатавшейся джейсовой пятерней. Перст судьбы.

Глава 5. Кинжал и посох

Неслышный подъем на крыльцо под прикрытием вопящих пернатых, странно воодушевленных явлением лесного странника с многообещающей светоносной палицей... Быстрый взгляд в блазлившее чуть не вровень с землицей окошко показал, что это – очень слепая зона, и рассмотреть интерьер в него можно так же легко, как через пару печных заслонок. Молчаливая благодарность в адрес сиволапого растяпы, ценителя драгоценных перевязей, запамтовавшего запереть хоромы. Аккуратно придерживая, приоткрываем подобие впустилища и неслышно проникаем внутрь...

Скудный свет прерывисто сочится сверху, куда ведут обезображенные не столько временами, сколько нечистоплотными ходами ступени, наверняка ветхие и ворчливые донельзя. Снаружи сводный хор горланит в исступленном, усиленном режиме поддержки, но скрип изношенного дерева птицы не перекроют. Если только... Джейс тихонько толкнул грубую ручку крестьянского дизайна, дверь с издевательской претензией отворилась. Шум ворвался во вместилище эстетики и минимализма.

— Хью, тетку твою налево без сожаления! — раздалось аж со второго благоустроенного этажа. — Кто должен бдеть на посту? Какого лысого все нараспашку?

Чья-то туша, подобоострастно ворча, ступила на несоразмерные половицы, несогласно начала снисхождение: мол, нет добра без худа – это Джейс разобрал четко. Конечно же, сиворусый Хью, молодец при породистых красных штанцах и беспримерно симпатичной подвязке на вздыбившейся талии. Значит, уродца благополучно от чего-то оторвали. Джейс изящно сокрыл себя в полумраке, благо было где, сзади долбанул сивого, сунувшего нос за пределы здания:

опробовал костыль с его персональной отметиной. Почему-то нечестное боевое превосходство нисколько его не устыдило.

Бабушкино наследство сработало четко, и главное – бесшумно и наповал. Джейс умело стреножил громилу-барахольщика, используя безотказный, как все дамы в его связи, двойной морской. Подсобные средства для декоративного вязания обыкновенно в избытке водились в его закромах, вперемешку с приятной, согревающей душу и память каллиграфией.

Глава королевского легиона совершенно резонно решил продолжить концерт по заявкам, тем более что зрители очень даже адекватно реагируют. Понятно, для этого он вновь распахнул дверь, на сей раз звучным убедительным пинком, как рассудилось. Дверь чуть не вылетела от грубости, но послушалась.

Сверху вновь взревело не по-женски, и вскоре Джейс подобным же манером успокоил чудака в изысканных потертостях, вооруженного дубинкой возмездия и котомкой, весьма приметной, обшитой до боли узнаваемыми перлами, которые никак не подходили к интерьеру. Джейс начал кое в чем подозревать завсегдатаев этой милой обители, сокрытой в глухомани.

Третий сторожей добровольно снизошел к незадачливой своей судьбине, дабы проконтролировать второго, и вскоре в тесном приемном покое леживали уже три туши с вычурным жемчужным обрамлением. Гость проявил неслыханное человеколюбие, заботливо прикрыв лежавших найденной тут же парусиной, на которой некогда держали усопшую рыбу, судя по непреходящему аромату.

Сколько их там еще? Саданув по разику каждого уложенного, совсем вскользь, Джейс начал восхождение, предварительно заперев остатки двери – на случай, если из лесу кто-то пожалует на огонек.

Фортуна миловала – на втором жиле он возник почти невидимкой, не опасаясь изобличения со стороны источника света. Зато иные лица изобличены были великолепно, и первым, кого он изобличил, был невысокого роста мальчуган в короткой дорожной мантилье, он стоял к зрителю спиной, загнанный в угол, судя по напряжению, буквально и фигурально.

Подобие погреба, из которого Джейс поднялся, вверху оканчивалось высокой деревянной решеткой, в нее-то и вжался несчастный тонюсенький хлопец, у которого хапуги отобрали уже и пояс, и котомку, и иное, по мелочи, и явно вымогали что-то еще, войдя во вкус. Вряд ли уговаривали проявить альтруизм и прибрать продукты жизнедеятельности в виде свинства.

Безусловно, глава легиона пожаловал если не по адресу, то хотя бы без опоздания. В черте видимости гнусных грабителей значилось четверо – ни дать ни взять сказочное логово с семью заросшими немывыми уродами. Опытным глазом он быстро определил главного приставалу – хмуро-бородатого изверга с лоснившейся усмешкой паука, прибравшего в лапы мотылька. Джейс вспотел, когда услышал текст беседы.

— Прекрасные ножки! — говорил, сентиментально заводя иллюминаторы, крайний из хмырей, видимо, обладавший самым выраженным художественным воображением.

— Меня больше интересует их происхождение, то есть откуда они такие берутся, — бесстыдно ухмыльнулся бородач.

— Не будь таким циничным, Хоги. Откель они обретаются – вот так верно.

Мальчик быстрым жестом выудил что-то невероятно потешное, поскольку представители лесной вольницы сложились вдвое и крайне неблагозвучным гоготом принялись комментировать его выходку.

— Глянь-ка, оно еще и трепыхается, кухонный ножик кажет! — в припадке восторга постанывала главенствующая образина.

Другие просто нецензурно ржали расстроенному шкету в лицо. Позади ржавших располагался массивный стол с приговоренными не так давно разносолами, следы пронесшейся над ним трапезы внушали как минимум отвращение. Мальчик, видимо, отловлен был в лесу как

своего рода десерт. Либо своими прекрасными ногами явился ко двору самолично, в надежде, что люди добрые подскажут путь-дорогу...

— Назад, сволочь! Или со своими ходунками распрощаешься, — недружелюбно и крайне невежливо смял Джейс веселую беззаботную паузу.

Мальчик всем телом содрогнулся, быстро развернулся, заставив вздрогнуть Джейса. Да что там вздрогнуть — глава легиона едва не потерял опору под ногами на шатко-валкой лесенке.

В самом деле... возьмите красоту и изящность светлой королевы Теи, облеките все это в костюм конного всадника — получите примерно то же самое. Добавить осунувшееся личико, перепуганный затравленный взгляд... Пряди завитых и слегка перепутанных уже огненных волос спускаются на стройную девичью грудь из-под скрывающего лоб капюшона. Несмотря на просторное одеяние и капюшон, Джейс все разглядел в деталях, моментально. Сжал зубы. Все, кто знал его повадки, могли бы окружающим посочувствовать или же делать ставки на скорость развития дальнейшей интриги — симптом этот передавал состояние выдающегося гнева, ведущего к неприятным для окружающих осложнениям. Бродяги, само собой, этого знать не могли, но это не избавляло их от ответственности. Охнув нелитературно — удивившись на свой бродячий лад — весельчаки на секунду обратились в изваяния.

Этой секунды ему хватило, чтобы перемахнуть через преграду к остолбеневшей девушке — без мала ребенку, сжимавшему в дрожащей руке детский, покрытый затейливыми узорами кинжал.

— Пойдите смирно, — взмолился в ее сторону Джейс. И тут отчаянную четверку провало на расспросы: кто он, черт возьми, такой, и откуда, и куда путь держит в ихних провинциях, и почто свалился, не телеграфировав, и где теперь непунктуальный Хью и одноименные сотоварищи — вот примерное содержание вопросов, на которые гость не ответил, потому что задали их в неподобающем тоне.

Бородач, коему нанесли оскорбление в собственных апартаментах, авторитетно извлек топорик, в отличие от Хью прицелился и швырнул по адресу новоприбывшего, в качестве блестящего доводка к вопросам.

Джейс, не напрягаясь, отбил его посохом, отправил наобум, куда бог пошлет. Направление было не принципиальным. Топор приземлился на слегка захламленный интерьер справа, вызвав приятный для слуха переполох в стенном шкафу. Согласно виду и звучанию, там держали хрусталь. Бурные упреки по поводу поруганного навеки раритета сменились воплями изумления — Джейс, не сдерживая боевого порыва, бил мягко и эстетично, но сильно, не дожидаясь, пока вояки добудут что-нибудь еще из бездонных своих шаровар.

Окружавшая поле битвы мебель по ходу драмы претерпевала страшные, необратимые изменения. По сей основополагающей характеристике боя можно представить себе финальное состояние некогда прямоходящих, представительных местами мужчин, вздумавших сопротивляться. Зубов, по крайней мере, нападало достаточно.

Безнравственно изломав все, что можно изломать в чужом тереме, включая случайно подвернувшийся стол для мирных трапез, Джейс повернулся к юной леди, наравался на полубморочный ужас в невероятно зеленых глазах. Чуть не наравался на ножик, показательно трепетавший в испарпанной руке.

— Уходим, — убедительно предложил он как можно спокойнее, демонстрируя безоружные ладони, — я доставлю вас домой.

Дитя с кинжалом метнулось к лестнице, мигом слетело вниз, ветром пронеслось по тройке потерпевших, прикрытых вонючим саваном, принялось биться в запертую дверь, пока не вынесло ее совсем, причинив окончательный, сокрушительный ущерб постройке. Джейс, разгорячившись от приема, в отношении лежавших оземь тоже не стал церемониться и тоже им добавил, пробегом, при помощи усиленных сталью каблуков, на будущее. Дверь вставлять он не собирался, оставил как данность.

Вослед им выскочил, шатаясь от горечи утрат, опечаленный хозяин дома, угрожающе, а может быть, претенциозно (потому что невнятно) зашепелявил самыми последними словами. Джейсу некогда было заводить повторную пластинку, ибо рыжеволосое дитя с резвостью и грацией серны уносилось вглубь леса, следовательно – нуждалось в неусыпном сопровождении, из-за крайней неопытности и явной красоты. Да и зубов в невнятной пасти осталось недостаточно для боя на равных. Посему он чрезвычайно благодарен был птичьей братии, с восторгом набросившейся на того, кто вышел провожатым в свой последний путь. Тот, правда, орал шепелявым благим матом, будто его режут, несмотря на то, что лес шума не любит.

Глава 6. Лес

Джейсу не сразу удалось догнать беглянку в плаще. Испуганную крошку несло как на крыльях, да и плащ представлял подобие паруса, и какое-то время ему пришлось нешуточно сокращать возникшую дистанцию, попутно запинаясь обо все подряд, включая вездесущих сусликов и ежей, не успевших юркнуть в яму.

Быстроногая девчонка с давно слетевшим капюшоном и выющимися по ветру волосами вовсе не спотыкалась, будто родилась и выросла на лоне этой самой дикой природы. Судя по всему, вечер пока не грозил накрыть тайгу без предупреждения, и сумрак даже слегка развеялся.

— Сударыня, вы уверены, что мы следуем в верном направлении? И не подскажете ли: сколько нам еще двигаться в бодром темпе по пересеченной местности? — поинтересовался Джейс ей в спину, когда нагнал ее.

Она не вынесла иносказания, остановилась и, задыхаясь от бега, по наивности угрожая крошечным своим тесаком, высказала ему все, что думала. Что лишит приставажу жизни прямо в лесу, меж сосен, если он не отстанет по-хорошему. Что она ищет уединения для решения сугубо личных проблем без содействия попутчиков. Что благодарна за избавление, но это ведь не повод ее преследовать. Что ее батюшка – знатный придворный при местном управителе, и если ее хоть пальцем тронут...

Джейс не вступал в прения, пользуясь благодатной возможностью восстановить дыхание и обдумать дальнейшие действия. Язык чесался сказать нечто, но нельзя было, согласно предупреждению.

Он прилежно старался не слишком откровенно глазеть на нее, в лесной-то глуши без посторонних, но то, что он видел... Она оказалась слишком привлекательной, особенно в состоянии крайнего испуга и возбуждения. Слишком длинные и стройные ноги, слишком длинные кучерявые локоны цвета горящего заката... необычайно тонкие, изящно очерченные линии лица. Губы возмущенным алеющим бутоном, чересчур выдающийся румянец на щеках, которые позволительно миловать лишь солнцу, потому они тронуты солнечным ветром в виде легоньких веснушек. А глаза... в них он сразу потерялся, как в бесконечном сем лесу. Несомненно, *теперь* главной ее бедой в условиях предсмертного бездорожья становился он – наглый неотвязчивый чужестранец, вызволивший ее в своих корыстных целях. Еще немного – и бедняжка зарыдает от безнадёги и напряжения. Но падать на колени и умолять о пощаде – сие не про нее...

— Сударыня, давайте поговорим спокойно, — не приближаясь, предложил он. — Очевидно, вы очутились здесь если и по своей воле, то явно не планировали здесь задерживаться. Я тоже не горю желанием гостевать, как вы выразились, меж сосен (она яростно сощурилась). Предлагаю для пользы дела отложить стереотипы и объединенными усилиями покинуть пределы неблагонадежного сего оазиса. Даю слово рыцаря, что не стану посягать на вашу честь и достоинство. Могу присовокупить клятву, которая вас устроит. Готов сопровождать совершенно безвозмездно в любое безопасное место. Но мне бы не помешала консультация в географии, поскольку, признаюсь, нахожусь здесь впервые и по воле случая...

Он вдохновенно плел отсебятину, чтобы немного ее разгрузить и отвлечь от мрачных мыслей. Пусть слегка взвихренное дитя считает, что примерному драчуну (точнее, рыцарю) тоже нужно вспоможение, в каком-то нелепом смысле...

— Не упрямитесь, — закончил он. — Я вам не враг.

— А кто вы? — фыркнула она весьма недоверчиво, держа расписной ножик наготове.

— Считайте меня сопутствующим незнакомцем.

— А точнее? — прелестно нахмурилась она.

— Извольте... — он замешкался, поскольку такого именно знакомства не предполагал. Видя крайне насмешливый взгляд, выдумал, недолго соображая: — Лейтенант Стейн... — мысленно обругал себя за глупость, но добавлять себе регалий вдогонку было как-то несолидно. — Всецело к вашим услугам.

— Откуда бы взяться в лесу услужливому лейтенанту в паре с пешим рыцарем? — язвительно и удивительно бесстрашно настаивала леди с огненными волосами, и Джейс под воздействием двух изумрудных огоньков поведал чистейшую правду: как заплутал в чуждом лесном массиве и, следуя за мигрирующими птицами, вышел к жилью, совершенно логично наведаясь испросить, что водится: чашу воды и пути исхода.

— Вы предложили мне клятву, — перебила она, когда он перешел к описанию кровавых подвигов уже внутри хижины. — Клянитесь же!

— Охотно, сударыня. Какая клятва вас удовлетворит?

— Клянитесь именем лесной богини, что не причините мне вреда в ее владениях.

— С удовольствием.

Глава высшего легиона, всего-навсего лейтенант, преклонил колено в глуши лесной, за тысячи световых миль от фактического местопроживания, в смутной надежде обрести благоволение со стороны необыкновенных глаз. Добиться хотя бы тени улыбки. — Клянусь именем лесной богини, что не причиню юной леди вреда ни в ее владениях, ни за их пределами.

— Вы несносны! Речь идет о некоей юной леди, никак не обо мне! — заявила она возмущенно. — Извольте выражаться конкретнее!

Он изволил. Выразился предельно конкретно, упомянув даже колористику глаз и волос. Известное имя, само собой, пришлось опустить. Колено его, погруженное в таежный субстрат, ощущало прохладу и сырость, но цель — в данном случае — с лихвой оправдывает средства. Он не завоевывал ее, упаси Провидение, всего лишь избавлял от неудобств, что вполне соответствовало рыцарским амбициям.

— Непочтительно клясться именем богини, не называя его!

Джейс впал в откровенный ступор: он полностью согласен с упреком, но... так выходило по жизни, что он не знал ни упомянутой богини в лицо, ни ее достойного имени.

— Вы в самом деле не знаете? — искренне изумилась она, когда он чистосердечно раскаялся, продолжая коленопреклоненный ритуал. — Интересно, откуда вас *таких* принесло.

Он скромно промолчал, и она смягчилась и объявила, наскоро свивая волосы в эффектную косу, что богиня лесов в окрестности Лим-Норма испокон веков носит прозвание Нийя. Джейс отчеканил клятву в точности, не забыв на сей раз возвеличить богиню как положено. Это явным образом успокоило беглянку, и она позволила ему подняться. Даже не угрожала холодным оружием.

— Если вы солгали, — безмятежно сказала она, откидывая косу, пряча кинжал в ножны, — Нийя настигнет вас. Пойдемте, — повернулась меж сосен и вдруг опомнилась — сама не представляла, куда теперь идти. Глянула на услужливого лейтенанта с вновь обозначившейся взволнованной обреченностью: чистый оробевший взгляд, выбившийся огненный завиток на враз побледневшей щеке.

— А вот теперь, — мягко сказал он, — давайте вместе сориентируемся на местности.

Дитя оказалось неплохо ознакомленной с окрестностями Лим-Норма, как она выразилась, и отчасти подготовленной: не раздумывая, вытянула из складок мантильи карту, подала Джейсу – никогда никого он не благодарил столь тепло и изысканно.

Топография Тенистого мира (в частности, окрестностей Лим-Норма, или же Лейланда) ни в каких деталях не отличалась от «вышней» – если только чуточку тщательнее выполнена, более затейливо, орнаментально оформлена. Труднее всего было определить текущее местонахождение. Символы на карте почему-то вели себя непоследовательно, непредсказуемо и бессистемно, перемещались по холсту как медведи-шатуны.

Компас на хронометре Джейса, его словами, исподтишка зафурычил, он проверил его на исправность. Девушка, позабыв о тяготах прогулки, с любопытством взглядывала на незнакомую технику в миниатюрной оправе изысканного серебра, но от вопросов воздерживалась, тоненько при этом сощуриваясь от чисто дамского искушения.

— Часовой механизм, компас и иные полезные в походе приспособления, — великодушно пояснил Джейс, отстегивая и передавая прибор, — к сожалению, в большинстве своем в данном месте – нерабочие...

Она недоверчиво фыркнула, но хронометр приняла и, пока Джейс крутил фолиант, аккуратнейшим образом его рассматривала, водя тонким пальчиком по алмазной окружности, стараясь ничем не выдавать заинтересованности. Тихо вдруг ойкнула, чуть не выронила – изображение цифр исчезло, желтовато-тусклое пятно поплыло по экрану, замельтешило в вихре растянутых символов вперемешку с размытыми картинками.

— Прошу прощения...

Посмотрела растерянно. Да нет, не растерянно – с ужасом спонтанной преступницы, подлежащей наказанию:

— Я не хотела... Сэр рыцарь...

Всерьез переполошившись ее извинениями, Джейс дал понять, что ничего страшного не случилось: юная леди всего-навсего неведомым усердием восстановила одну функцию...

— ... которая позволит нам в кратчайшие сроки выбраться из леса, — любуясь ее изумлению с проблесками долгожданной улыбки, отрезюмировал он.

Она не вполне поверила, подошла ближе, предварительно проверив наличие в кармане стального оберега. Джейс решил:

— Умоляю вас, осторожнее с оружием: вы можете ненароком пораниться. Кинжал – это...

Не удержался – осекся, отложил компас и карту: глядел как она, склонив голову, снисходительно и неторопливо, не без театральности достает предмет, освобождает холодно сверкнувшее лезвие, небрежно запускает в сторону сосны, и оно, отлетев, приземляется с соцветьем шишек в тонком острейшем полотне. Впечатлила, определенно.

— Этим бродягам, в хижине, я выпустила бы...

— В состоянии аффекта и в одиночку – навряд ли, — мягко покачал головой Джейс, склонился над картой, — жаль вас огорчать.

Она слегка дрогнула от высказанной правды, закусила губы, задрал голову в полосу пробивавшегося сверху света, чтобы не вырвались изумрудные слезы. Отвернулась. Все ясно было как божий день.

— Сударыня, я так понимаю, что в стенах злосчастной лачуги вы намеревались предугадать себя избавить, верною рукой, — медленно сказал Джейс, снимая смолянистый растительный трофей с бесстрастного лезвия. — Давайте забудем это как страшный сон...

Пробормотал что-то над лезвием, сжал зубы, молниеносным движением сшиб дюжину шишек, упаковал лезвие, подойдя, тихонько вложил в руки зачарованно следившей за его действиями девчонки:

— Я предполагаю, вы голодны. Допускаю даже, что невероятно. Способны вы, сударыня, идти еще какое-то время, или отужинаем, как говорится, меж сосен?

Глава 7. Достижения и услуги

Они все шли и шли, продвигаясь к безопасной восточной окраине. Прогулка казалась весьма уже ощутимой для организма юной леди, если по нагрузке, и нескончаемой, если по времени. Хронометр в самом деле подвергся целительному волшебству тонких пальчиков, чему Джейс втихую дивился, опасаясь соответствующими словами прилюдно высказываться, дабы никого не спугнуть. Видел, что хотя бы приблизительно-смутное доверие им еще не завоевано, и думать нечего, и дожидаться бы хоть предпосылок...

— «С ума вы сошли?» — и как ваш язык повернулся? — внезапно укоризненно спросила девушка и даже прервала шаг под впечатлением, сверкая глазами в яростном недоумении. Проанализировала, наконец, и часа не прошло...

... Они приближались к заветной границе, за которой было словно бы светлее и гораздо уютнее, поскольку густая, косматая листовенная полоса уступала раскидистым полям, пересеченным пышными околками. Все это виднелось на выпуклой сфере хронометра, который по праву сжимали возродившие его маленькие изящные ручки. Джейс не возражал — чем бы дитя ни тешилось... Правда, настал момент, когда она попросила кратковременного отдыха и вернула механизм владельцу.

Засим последовало непонятное ему смущение, пока спутница не изволила объясниться — возвела невероятной зелени глаза в полуденную высь, словно бы при свете дня отыскивала Пелию (Большое Полярное созвездие), и поведала сэру рыцарю, исключительно намеками, что ей необходимо ненадолго уединиться.

Сэр рыцарь не стал конкретизировать и признался без намеков, что тоже с удовольствием уединился бы. Быстро договорившись о месте сбора, странная пара разошлась в строго противоположные части света прямо в редющей лесной полосе. Джейс слышал удаляющийся хруст ветвей, на которые всякий раз беспечно наступало хрупкое создание. Пока не повисла тишина.

Вначале он наслаждался ощущением легкости и прохладой леса, но минуты затишья и не думали завершаться. Уединение слишком затягивалось. Хлопнув себя по лбу от резкого откровения, он бросился по следам, соображая, что хроническая беглянка нарочито приметно сбивала его со следа, шурша во всеуслышание, на цыпочках ускользнув засим в неизвестный просвет. Коих здесь навалом. Чтобы, то бишь, ей не причинили вреда, даже если всемогущая Нийя его настигнет по всей форме.

Бесплодно лазая по кустам, отыскивая лишь ежеиков да боровики, он в отчаянии вспомнил и сердобольную старушку, и многоликую кукушку, и даже маловнятного грифона. Малость похолодело в области спины, когда до сознания дошло: величайший дар в виде честно добытого и окропленного боем посоха он бездарно посеял в горячке погони.

Не останавливаясь, он мысленно обратился неведомо к каким ангелам Лейланда с мольбой искренне и незлобиво ему посочувствовать — и совершенно ненароком заметил прислонившийся к стволу гигантского дуба предмет, с виду поношенный, но нисколько не потерявший практической привлекательности. Выдохнув в благодарном порыве, Джейс сцапал посох с его отметиной и, превознося всех лейландских святых, понесся в просвет, отчего-то уверенный, что несется именно туда, куда его послали. Вскоре он чуть не рухнул в притаившийся за деревцами обрыв.

Пропасть выглядела знакомо, но он не был уверен в точности, что его воздушная прогулка совершалась именно тут. Судя по карте (оставшейся, кстати, у леди), провал преграждает дорогу на значительном протяжении.

Джейс взглянул на посох — тот вроде как не стремился больше в лесную глушь, на прочесывание берегов тоже не тянуло. Джейс рискнул:

— Сударыня, вы здесь? Отзовитесь, лесной богини ради!

Внезапно что-то послышалось: тихий, мучительно сдавленный призыв донесся откуда-то из тягучего сумрака, тщательно скрывавшего внутренность бездны.

— Боже мой, держитесь, я мигом! — выпалил он со всею страстью, наклонился над обрывом, ухватившись за услужливо, к месту вросший корень, издал не менее мучительный выдох — уцепившись за смутное подобие полувыворчеванного уже ствола, из последних девичьих сил на пологой поверхности висела беглянка, страдальчески сверкая зелеными глазами, стараясь не особенно размахивать ногами. Под нею обозначился некоторый просвет в сгустившемся эфире, чрез оный смутно виднелась отдаленная, крайне притягательная земная твердь с бликами голубевшей, освещенной водной глади. Красота неописуемая. Сорвись она туда — и земля не покажется пухом, она им станет.

— Флера, держитесь, умоляю, — повторил он лихорадочно, не задумываясь, что частично раскрывает карты.

Даже не заметив перемену в обращении, она с послушным воплем вцепилась в посох, затем — в убедительно крепкую руку. Простонала, оказавшись вне пропасти, опустила прямо на траву у обрыва в полном изнеможении. Глядела слегка виновато.

— С ума вы сошли, сударыня? — он посмотрел на нее предолгим осуждающим взглядом, и она верно уразумела: лейтенант теперь в борении — то ли поддать подшефной барышне для ясности ума и восприятия, то ли дернуть в одиночный поход без ее коварных штучек.

Победила идея номер два: рыцарь развернулся и покинул драматический травмоопасный обрыв, спиной намекая, что путь вниз — полностью свободен, и можно низвергаться сколь душе угодно. Она выбрала иное, поднялась на неверные красивые ноги и заторопилась следом. Джейс, само собой, совершив ход конем, был ох как начеку и, в случае чего, бултыхнулся бы в бездну за ней, дабы хоть на потусторонних уже берегах, но сопроводить ее куда нужно.

И вот теперь он вынужден приносить самые дикие извинения за высказанную в присутствии дамы и в ее прямой связи дерзость. Подумать только — подверг сомнению ее ментальные способности...

— Вы из охраны свиты короля? Посланы мне в помощь? Никогда вас среди рыцарей не наблюдала.

«Да и я вас тоже», — чуть не сболтнул он, а вслух сказал, что определенно из свиты, но несколько иной.

— То есть, вы меня не знаете? — уточняла она.

— Пока что — не имею чести, сударыня.

— Остановимся, умоляю вас, — почти простонала она, — я выбилась из сил...

Она вновь опустила почти там же, где стояла. Джейс уговорил ее переменить локацию, и она присела на покрытый его плащом пригорок. Он подал ей фляжку с водой. Почти всю воду они израсходовали, пробираясь по лесу, но на карте значились ручьи, и до ближайшего оставались самые пустяки — разумеется, по меркам рыцаря, но с учетом отсутствия средства передвижения.

Флера явно жалела избавителя, не соглашаясь в одиночку прикончить скудные резервы. К фляжке он кратко приложился, следуя взгляду, который умолял не хуже королевского. Но самый вкусный глоток все же оставил ей. Когда еще обнаружится этот ручей. Землю посохом не пробьешь в поисках родника... а жаль.

Пользуясь паузой, беглянка в плане оправдания поведала, что собственную фляжку у нее отобрали в известном месте известные прохвосты. Как и дорожное снаряжение и даже тот топорик, которым Джейс причинил терему немалое разорение. И еще: поджав алеющие губы, кратко выразила благодарность:

— Вы и в самом деле спасли меня уже дважды, нравится мне это или нет...

— К вашим услугам, — отозвался Джейс и слегка осмелел: — Сударыня, не считите за дерзость, позвольте прояснить: меня действительно командировали в эти заросли, но я не сопричастен ни охране, ни свите здешнего монарха.

Она с нескрываемым любопытством изучала его невероятной красоты глазами. Солнце, не подвластное уже затмению лесными кронами, ясно склонялось к западным позолоченным горизонтам, но освещало еще довольно бодро и многообещающе, отражаясь в нечаянно лучистом девичьем взгляде. Холодок пробежал у Джейса между лопаток, сладкий холодок.

— Вполне понятно, что сэр рыцарь – явно нездешнего происхождения, — проговорила она, прерывая поток его ощущений. — Судить об этом можно по обличию и экипировке. Позволяю вам не описывать сугубо личные подробности, но в таком случае особой откровенности с моей стороны тоже не требуйте...

Разумно, рационально, великосветски грамотно, изысканно даже – так подумалось Джейсу. Особенно вот это: «Позволяю вам»... Кожей почуяв, что их странствия приобретают несколько иной характер, он позволил себе осведомиться:

— Выходит, юная леди – как раз-таки из свиты государя Лейланда?

Юная леди невероятно изумилась:

— Лейланда? Вам известно это название?

Джейс скромно склонил голову от избытка познаний, не выдавая предосадных ощущений от того, что проболтался.

— Удивлена, насколько хорошо нездешний рыцарь ознакомлен с древнейшей историей Лим-Норма... Не смею даже угадывать, с чем это связано... Используя вашу тактику сокрытия фактов, могу сообщить: к свите здешнего государя я не имею отношения. Батюшка мой известен при дворе – вот, пожалуй, и все.

— Ваш батюшка – вельможа?

— Вовсе нет. Конюший, — глядя в сторонку, настолько безмятежно сказала она, что стало очевидным, как начавшее спело багроветь светило: батюшка ее примерно настолько же конюший, как его превосходительство персонально – лейтенант.

Джейс промолчал, не рискуя громко и несдержанно удивляться, насколько образованными могут быть придворные конюшие и их прелестные дочери в продвинутых землях Лейланда. Позиция с ее стороны определена четко и справедливо: откровенность за откровенность. И все же на сей момент она представлялась ему занимавшей на сословном пьедестале не меньшее место, чем дочь влиятельнейшего вельможи при короле. Если не...

— Давайте выбираться дальше, — миролюбиво предложил он, решив не торопить события. — Солнце ваше, как видно, вскорости скроется, а привечать луну лучше поблизости от источника воды.

Она цепко глянула:

— А известно ли вам название «нашего» светила? Или вы, как любитель летописной старины, используете забытое архаичное наименование?

Изобличила – надежно, колко, умница. То от ума горе, то от его недостатка... Оба хороши, ловят на слове...

— Не имею чести знать, но очень бы хотелось, — чистосердечно признался он с очередным поклоном.

Она напряженно что-то соображала, это слишком заметно было по меняющейся мимике измученного лесными страстями личика – и он раскрыл было рот предложить мужскую помощь и доставить ее до ближайшего водоема, но она опередила:

— Вы, верно, посланы издалека, с сопредельных земель – составить пропозицию от лица вашего монарха здешней принцессе? Сознайтесь, я сохраню вашу тайну!

Отчего-то ее волновала судьба местной юной (судя по намекам) совладелицы. Ну да ладно, со временем загадка сия тоже прояснится...

— Сожалею, сударыня, придется вас огорчить.

— Терпеть не могу брачных посланников, — недипломатично призналась она и вдруг вскинулась, полыхая глазами и скулами: — В смысле, они привозят с собой множество поклажи, доставляют неудобства всему двору и особенно обслуге...

— Ясно, — с чистейшей улыбкой отреагировал Джейс.

— Вы зря мне не верите, — настаивала она, мило вздергивая веснушчатый нос, шурша прядями по поверхности мантильи, — в королевстве Лим-Норма должность старшего конюшего слывет при дворе весьма почтенной. У короля сотни высокородных племенных рысаков и кобылиц, и уход за ними требует недюжинной образованности и, не побоюсь этого понятия, особенной интеллигентности.

Поддела. Схватывала его подозрения на лету.

— Не сомневаюсь, сударыня, — ответил он, — и искренне сочувствую по поводу нелегкой вашей доли. Желаю вам как можно быстрее обрести приятного по жизни спутника, который облегчил бы вашу судьбу. И следил бы за вашими перемещениями.

Зеленоглазая тростинка вспыхнула и изволила продолжить беседу на ходу, тем более что тутошнее солнце (Игарра, как поведала дочь конюшего) самым приметным образом настраивало на практические шаги, нежели беседу на лесной тропке близ обрыва. Быстро вечереет, однако.

Юная леди поднялась с помощью спутника, отчетливо болезненно при этом вздрогнув. Расшаркиваться и приличествовать было бы кощунственно.

— Сударыня, — сказал он, не кривя ни душой, ни сердцем, — позвольте вручную доставить вас к ручью. Вот он, полюбопытствуйте, всего восьмисот ярдов к северо-западу и еще чуть наискось. Не сомневайтесь, вы понесете на себе всю тяжесть моей экипировки, которую я вам передам. А мне позвольте понести вас – вовсе недолго, если мы определимся с самым безопасным и сокращенным проходом. За мое благополучие можете не переживать. Я, как вы верно заметили, из сопредельных государств, и умею переносить дорожные ноши, в прямом и самом приятном смысле.

Похоже, она более переживала за свое явно благородное – отнюдь не конюшей дочери – достоинство посреди невероятно наводненного свидетелями, раскинутого как в долгой лесной сказке, тихо смеркавшегося простора. Поэтому отказалась. Но хотя бы приняла предложенный локоть и оперлась на посох.

— Отчего вы полагаете, что мне несносно живется при дворе? — не унималась она, едва выговаривая слова от усталости, не имея крепости волочить за собой посох.

— Похоже, я неверно истолковал ваши откровения, сударыня, — Джейс без объяснений лишил ее посоха, закинул его за спину, зацепив за снаряжение, извинился за вольность и подхватил ее на руки, вместе с врученным ценным компасом. Сил противиться у нее не было, что ощущалось по сопротивлению перенапрягшихся мышц.

— Вы не снесете меня далеко, устанете, — пробовала образумить она его, трепеща в ярко-розовом смущении.

— Вот и поглядим, насколько меня хватит, — учтиво отвечал Джейс и под впечатлением румянца принялся морочить ей голову. Предложил рассказы о наводящем слезоточивое сожаление бытии некой дочки конюшего, сановника весьма интеллигентного, но неспособного оградить несчастных своих отпрысков от вынужденного аврала, что бывает после сватов, поведившихся по душу слишком разборчивой королевны.

— То, о чем я сказал, к вам определенно не относится, — предупредил рассказчик. — Но поверьте опыту, иные замужества действительно избавляют иных особ от текущих придворных обязанностей. Так случается иногда.

— Избавляют от придворных обязанностей, навязывая фамильные? — легко фыркнула она. — Веселую же долю вы столь витиевато обрисовали!

— Не скажите, сударыня. А если это будет, скажем, состоятельный маркиз?

Флера покосилась на него, набрала воздуха ответить, да так, чтобы впредь неповадно было сказывать дорожные глупости, но передумала; и по тому, как трогательно и стихийно это было исполнено, не имелось сомнений, что вопрос причислен если не к разряду оскорбительных, то по крайней мере... нет, все же оскорбительных. Юный профиль взвился несогласно:

— Состояние, богатство – не повод попираť установленные внутренней моралью принципы!

— Приятно слышать. А если это будет симпатичный состоятельный маркиз? Допустим, отчасти подобный мне?

Ему повезло: на сей раз Флера, поворотив головку с огненными выбившимися из косы прядями, глянула в глаза его прямо, с убедительным оттенком снисхождения:

— Допустим, сэр рыцарь, за такого симпатичного, как вы, тем более маркиза, я бы не пошла... не рискнула, знаете ли...

— В самом деле? — Джейса восхитила недетская смелость. — И отчего же этaкое немилосердие?

— Оттого, что у симпатичного маркиза всеером на шее красавицы повисли или же повесились от безответного чувства – там нет места.

Она с удовольствием заметила, как теперь Джейс заполняет воздухом внутренние свои вместилища, раскаленные от справедливого обличения. Носильщик исподтишка скосил взор на собственную грудь, как бы проверяя, нет ли там болтавшихся в экстазе красавиц, кроме той несогласной, которую довелось поднести по пути. Их там не значилось, как и в осиротевшей внезапно голове. Впрочем, одно имя все же трепетало, ласковое и прелестное как огненно-алый сон...

Он улыбнулся вместо ответа.

— Рыцарь, лейтенант... теперь еще и маркиз, — услышал он дотошный голосок, звучащий возле самого сердца, где не осталось вящих красавиц, потому как не числилось никогда.

— Что в этих наименованиях смущает вас, сударыня? Позвольте ответить в тон, со всею приязнью: метание холодного оружия, племенные рысаки (кобылиц временно оставим в покое), топоры на вооружении, весьма редкий жемчуг, безмерно развитая речь, не говоря уже...

— Странная дедукция для рыцарствующего лейтенанта!

— Блестящий, беспримерный набор навыков для урожденной в династии лошадника!

— Вы несносны, сударь, и исправно заговариваете меня, отвлекая от основного. — Она взбрыкнула в его руках, совсем как норовистая жемчужина в коллекции конюшего, преодолевая сопротивление, соскочила на чуть обозначившуюся тропку.

Мигом позабыла о предмете спора, посмотрела в глаза.

— Пойдите, — тонкие пальцы ухватили его за рукав, уха коснулось теплое взволнованное дыхание: — Ведь это произошло здесь... — она потащила его сквозь осточертевшие уже кусты, вглубь от тропы.

Джейс ничегошеньки не понимал, время на хронометре неумолимо подгоняло, но проводница как зачарованная, забывши усталость и походную немощь, рвалась куда-то в мрачневшие с каждым шагом дебри. Он готов был мягко воспротивиться в интересах ее здоровья, но она взяла его за руку, взглянула настолько беспомощно, что он без звука повиновался. Следовал за ней в откровенную чашу и смеркавшуюся над головой тьму, прикидывая, удастся ли нагнать время по графику, если придется слишком дерзко его нарушить. Направление пути он запоминал даже в «выключенном» режиме.

Девушка остановилась, прислушалась, как лесная птичка, обернулась, и, отвечая негласной просьбе, он пригнулся.

— Здесь я потеряла его, — едва слышно поведала она, доверчиво цепляясь за его плечо, обдав искусственный лейтенантский слух прелестями чистого и непорочного шепота. — Рехор, мой славный конь — здесь он пропал. Видите?

Джейс заметил зацепившийся за шероховатую кору светлеющий клочок — выхваченная прядь, явно из конской гривы. Он совершенно искренне изобразил самое живое сочувствие, но пробираться дальше было по меньшей мере неразумно. Особенно для спутницы.

— Не стоит туда идти, — шепнул он в ответ, удерживая ее. — Лес не внушает доверия. Поверьте, я бывалый следопыт.

— А если он... — она осеклась и побледнела, что с неудовольствием отмечено было даже в полутьме, пальчиком указала в глубину чащи, вцепилась в него, не сводя наполненных ужасом глаз от странного видения. Джейс присмотрелся, поначалу не поверил.

Неведомое, плотно-мрачное, безобразно черное нечто металось по поляне. Окрестности словно бы нарочно обустроены подальше от проселочных дорог, для некоего сокрытого от посторонних действия — сомнительной тональности и законности, исходя из местоположения, до странности лишенного жизненного света, будто искусственного обрамления.

Тень грубо и криво, мерзостно меняла очертания и размеры и, слегка приподнявши свою основу и переместившись, обнажила невысокую, павшую ничком тушку — безжизненно поникший холм.

— Рехор! — дернулась Флера, горестно всплеснув руками. — Пустите!

Джейс сгреб ее в охапку, приметил недоброе волнение на поляне, развернулся и, крепко прижимая к себе тихо плачущую всадницу, ринулся назад. Спинай почувствовал нехорошее, оглянулся — тень неразличима среди обступивших деревьев с корявыми, уродливыми, угрожающе ожившими формами, и среди них проглянули зыбкие, не внушающие доверия огни. Как заблудшие гнилушки на болоте. Неприятнее всего то, что они отчетливо приближались, неся с собой шорохи и доселе неведомые тягостные ощущения.

Тут и там, и чуть не под ногами хлопками раскрывались невзрачные мертвенно-белесые цветы, от взметнувшихся пиками тычинок заструился приторно тошнотворный, безумно сладкий аромат. Флера вцепилась ему в грудь побелевшими пальцами, почти обмерла от страха, застыла, не дыша, подбирая ноги.

Он быстро глянул на нее, на зловонную флору, распространявшую дурман, на огни, от которых не укрыться, даже если они ветром пустятся вдвоем, рука в руке.

Со стороны дьявольской арены зловеще, ужасающе дохнуло, кроны качнулись, засвистело неземной, а вернее — подземельной жутью, так что он попятился с драгоценной ношей на руках. Сделал то, что пришло как спасительное, верное откровение: выхватил из-за спины посох с сияющей дланью, всадил перед собой, проводя некую пространственную либо плоскостную границу.

Трость вошла в странно ожесточенную, окаменелую землю как в рыхлый, податливый, подгнивший снег. Пятипалая отметина неестественно засияла, распуская теплые лучи во все концы. Отчего-то он уверился, что дальше сего берега нечистая сила — или что там в хмуrom припадке беснуется на свободе — прорваться не посмеет. Ближайшая к ним белладонна захлебнулась, принялась сворачиваться назад, истекая ядом.

С каждым шагом выбираться к увядающему, но спасительно теплomu свету становилось не только легче, но и приятнее. Он вовсе не чувствовал ноши, будто пробирался один, и никаких дополнительных перегрузок не воспринимал, стремился избавиться ее от ужаса как можно быстрее и унести как можно дальше, хотя бы добираться пришлось пешком до самих Светлых Королевств, пересекая созвездия.

Выбравшись на заветную тропку, где было относительно безопасно и по ласковому солнечно, споро вернулся на маршрут, замечая краем глаза скользнувшего меж сосен белокрыла. Будто бы отдавшего ему честь. Привидится же такое, или это белокрысы цветы так начудили в

голове. Грифон с человеческим взором, как и можно предположить, следовал за щедро ронявшей голубовато-оранжевые, не разлагаемые в сумраке бисерные капли птицей-стратим. Почему бы и нет...

Глава 8. Страсти земные и небесные

В покоях Тер-Реона – пора предобеденного затишья. Церемония в малой трапезной состоится ровно в два боя пополудни, а пока что в стенах, принявших самый умиротворяющий рассеянно-берилловый оттенок, суетятся невидимые лакеи, улавливают настроения и предпочтения тех, кто изволит пожаловать сюда через несколько отметок, преодолеваемых стрелками часов.

Роскошные фрезии охвачены благоухающей короной соцветий, млеют в кадках полярно-белого мрамора – предвосхищают визит госпожи.

На широком согретом зноем подоконье – серебристая антильская кошка. Посматривает вниз, где вспыхивают на солнце башенки нижних дворцовых построек, и прохлада изумрудных аллей висит полупрозрачными дымками. Ушки цвета темного серебра вздрагивают, слух чутко улавливает интонации хозяйки сквозь стены и ярусы. Отвлечь ее от волнений, сквозящих свободно через твердыни тесаного камня, невозможно. Не справятся ни каскады играющих прихотливо фонтанов, ни вспыхивающие в поднебесье ориентиры, ярчайшие облачные круги, куда ныряет виверн – средней массивности дракон. Темно-фиолетовая махина упоенно, на весь полдень шуршит крылами от восторга дрессировки.

Объективности ради, могучий потомок ремов [1. рем – дракон огромных размеров, способный летать в межпланетном пространстве.] время от времени допускает промашку. Тогда небесная мишень блекнет и расплзается в струях эфира, и вместо исчезнувшей всплывает иная. А снизу несется усиленная рупором команда (вернее, рекомендация, ибо повелевать драконами нельзя), и огнедышащий зверь повинуется как малое дитя.

Ревущая громада не в силах отвлечь зверька, который при подозрении на угрозу оборачивается немилосердной рысью (коли выпадет особый случай – размерами с того самого потомка ремов), прямо пропорционально угрозе и что немаловажно – не в личных интересах. Главное – душевное равновесие королевы: нешуточные волнения молниеносно отражаются в сознании зверька. Не мешает заметить: виверны столь же чутки, как и представители антильской фауны. Если дракон вдруг ошибается, значит, он невероятно озабочен, к примеру, психологическим состоянием человеческого детеныша, нутром любого виверна воспринимаемого как господина, к коему ящер чувствует вечную привязанность, сродни мистической. Так уж им всем отродясь судьбой отведено... и королевич с трогательной периодичностью возвращается к родовому гнезду исключительно воздухом, исключительно верхом на драконе... А бывает, и своим летучим ходом, в тройке с ящером и вполне человеческим другом, названным братом. Крылья атланта уже позволяют, окрепли...

Согласно всем вышеперечисленным соображениям Оня (так, следуя сплетениям родословной, именовалось серебристое животное) с особой благосклонностью поглядывала на успехи Баэля, летучего красавца в благородно-фиолетовой чешуе.

Тея любовалась пируэтами зубастого летуна, находясь на одной из поднебесных веранд Тер-Реона (казалось даже, дракон пытается впечатлить именно ее величество), и участливо переживала его промахи, потому что слишком хорошо понимала, с чем они связаны.

— Ваше величество, — очень вежливо раздалось над королевской тиарой. Тея повернулась, подняла глаза – Кедда, давний воспитанник Эллея, был слишком высок, ростом догонял опекуна.

Юноши весьма походили друг на дружку, их проще простого перепутать братьями-близнецами: одного возраста, схожего склада мыслей и поведения – неразлучная придворная

парочка выдумщиков, неисправимые кавалеры, зачинщики мероприятий саморазвивающего профиля. Только-только с Армуса, оба. Внешние данные – как с художественных полотен, коими иной раз упиваются леди, пока им никто не мешает. Кедда, будучи чистокровным атлантом, становился повыше и здоровел в плечах, а Иннир, дитя атланта и реантки, аккумулировал преимущества обеих каст, в том числе телесно.

— Вы неисправимы, мальчик мой, и слишком деликатны, — отозвалась королева, приподнялась на цыпочки, притянула мощную, накачанную военными экзерсисами шею, поцеловала растерянного кадета ближе к коротко, по-военному стриженному виску, — Я Тея, дитя мое...

— Благодарю вас, Тея, — счастливым басом выдохнуло дитя, сияя голубыми атлантскими глазами.

Всякий раз при виде ее величества, особенно в домашней обстановке без церемоний, он тихо, но основательно терялся, и виной тому была «притча во языцех» – пресловутое девичье обаяние поистине королевского толка, от которого происходят различные проявления растерянности, в том числе потеря речи. Ему казалось, эта ослепительная дева навсегда и безнадежно затерялась в поре пленительного расцвета, за которой, если вдруг случится, последует неуываемое цветение.

«Друже, великодушно прости, но я в почтительнейшем обалдении от твоей матушки», — так по-свойски говорил он Инниру, едва Тея давала ему эту возможность, оставляя компанию. Свою родную мать он плохо помнил, да и Тея, урожденная Аллен Мэй, затмевала всех известных красавиц. Иннир в таких ситуациях гордо посапывал и светился изнутри.

Кедда всецело поддерживал благородство своего опекуна в отношении возлюбленной, имея в виду те смертельные коллизии, на которые Эллей сподобился для ее избавления. И мечтательно намекал, что ради такой грезы тоже на все бы пошел. Инниру нередко думалось в этой доблестной связи, а на что лично он пошел бы ради... но об этом позже.

— Тея, — решился Кедда. И в самом деле, не звать же ее тетушкой, когда в бытность свою он никогда не называл Эллея дядюшкой. Лель – так привычнее.

— Тея, что я могу сделать, чтобы вас успокоить?

Невыносимо наблюдать королевское смятение. За стеной длился классический разговор отца с сыном, и Тея неимоверно переживала и за Эллея, и за Иннира, и за нарушителя трассы Баэля, и за Кедду, добровольно всем сострадавшего.

Светлая улыбка вновь его очаровала.

— Милый мальчик, вы очень меня обяжете, если самым добросовестным образом помыслите, чем смена дворцовых поваров могла бы вас угостить. Мне сообщают, что вы поскромничали и обеденные свои предпочтения пока что не оформили... Друг мой, при все том, о чем мы договаривались...

Взгляд кадета расцвел, она нежно погладила его по плечу:

— Не стоит так переживать... хотя я сама наверняка делаю это слишком уж заметно. Расскажите лучше, как прошли ваши рейды. Вы будто бы в очередной раз подросли...

Баэль, пронзая пространство массивным корпусом и зоркими взглядами, несомненно, оценил уже внимание персон, занимавших места в проемах высоченных, почти что уровня немислимых его траекторий, башен.

Тее и благородному ее спутнику виверн салютовал огненным фейерверком, вызвавшим легкий переполох внизу у дворовых лиц, к особому удовольствию расположившейся несколько ниже к месту событий Они.

Однако фигуры, изваянными темневшие в смежной арке, при всей их открытости зрителю казались странно уединенными, хотя к оргии поднебесной имели прямое отношение.

Разговор отца с сыном протекал беззвучно: Иннир прислонился к теплому железному плечу, без слов передавал переполнявшее его отчаяние, протесты, несогласия и неистовые просьбы спуститься в заросли Лейланда для вспоможения. Если на то пошло, он воспитывался некогда в Нижних мирах, пусть и не на Сивелле и вовсе в иной галактике... Дело изведенное, и ничего непоправимого не произошло за все те годы. И там еще есть родичи, на Виххе, в случае чего можно временно залечь на дно в кластере Рыб, чтобы никто не волновался, право.

Эллей выслушивал деловые инициативы, тщательно их взвешивал, посылал обратно мягкие, но основательные отцовские отказы: первостепенные родичи его здесь, включая названного брата, покинутая резиденция граничит с куличками, где толком ни связи нет, ни света. И как можно подвергать дядю Росса опасности, привлекая внимание транс-перелетами на виверне? Родичей стоит всемерно поддерживать, а не наоборот. Этакий пассаж долго не забудется в созвездии Рыб, где драконов не водилось по определению.

— И все же... — Иннир глухо нарушил молчаливое противостояние.

Баэль прямо-таки неистовствовал, косил золотым глазом, ожидая признания именно от хозяина, и только юноша махнул рукой, вошел в раж и фигурно пробороздил, не касаясь брюхом и ничего не нарушив, все хитроумные выверты трассы.

Со стороны сопредельной арки прозвучали аплодисменты и нежные возгласы восхищения. Тонкая серебристая фигурка и высокий силуэт в форме кадета приветствовали безупречное планирование.

— Ты ее не видел, — отчаянно проговорил Иннир. Это должно было, по его мнению, стать особым, решающим аргументом.

— Видел, — сказал Эллей. — Удивительное сходство.

Иннир вскинулся — взгляд отца светился лазурью.

— Видел? Зрением Серха? — уточнил Иннир, хотя очевидным было, что его подмывает спросить иное. Заручиться отцовской поддержкой, а то и одобрением...

— Значит, ты меня понимаешь?!

Эллей кивнул неумолимо:

— Стоит ли говорить, сколько раз на дню твоя уважаемая матушка намеревается пуститься в эти чудные, полные хмурого чародейства рощи?

Глаза Иннира потемнели, голубые просветы в зрачках, с каждой неделей входившие в силу цвета атлантской принадлежности, стали густо-синими.

— Там нечто особенное, древнее темное волхвование, весьма мрачные ритуалы с неясной подоплекой, — неохотно пояснил Эллей и добавил в ответ на моментальное, чисто мальчишеское побуждение: — Тебе не справиться. Балансир особо не поможет, при условии, что вовлечены силы Тенистого мира. Учти, что даже Баэль может крупно пострадать.

Стиснув зубы, Иннир бессильно глядел на фигуры высшего пилотажа, сопровождаемые огненной подсветкой и струями дыма, в которых слишком ясно угадывалась руническая «И» — Баэль всю старался, отвлекал слишком перегруженное сознание, добротню рыкнул, проревел, вострубил броненосной глоткой протяжно и громогласно. Этакая операция в поддержку свидетелей.

— И все же, — наследник был ох как упрям. Было в кого, собственно.

— Ее уже дважды пытались принести в подношение неведомому страшилищу, — Эллей не поворачивал головы, наблюдая за изошренными подоблачными выкрутасами.

— И ты еще меня отговариваешь, — горько сказал Иннир после продолжительной паузы, и всплеск отчаяния Эллеем был воспринят так же просто, как пейзаж с участием виверна. — Мы с Баэлем...

— Ее лучший скакун сгинул. Его умертвили, — резко отозвался Эллей, не меняя положения. — Сгинет и Баэль, и кто-нибудь за компанию, стань мой сын упорствовать... Если я

правильно помню, виверн некогда принадлежал принцессе? Позже его роль, если не ошибаюсь, досталась скакуну?

Намек получился донельзя прозрачным. Король редко ошибался.

— Рехор? Необычайно умный и выносливый марвари. Бедняжка Флера...

— Делай выводы.

— Чего я еще не знаю?

— Благодаря недюжинной внутренней силе Джейс этому всему противостоит. Неведомо пока, чему конкретно, и как ему это удается. Слишком глубоки и нечисты эти воды. Тут и духи, и определенно – заинтересованные люди, проводники. И, возможно, некие писанные основания. Я ожидаю Магистра для разъяснений. Писания – это по его части.

Иннир слушал невесело, от безысходности сжимая пальцы.

— Отчего именно он?

— Иными словами, отчего не ты? Сложно ответить однобоко. Как бы там ни было, Джейс – ее протектор на сей момент, в прямом смысле слова. Его приняли и снарядили лесные хранители – вельды. И то ли еще будет...

Иннир хмуро молчал.

— Он справится, я уверен. Джейс черта уговорит сдать позиции. Тебе со всем этим не разобраться, сын.

— Отец, ты ведь пособишь ему, верно? И мне помог бы тоже.

— Если решишь спуститься вместе с Рони и Йоном для маневра, если Джейс запросит помощь. Лишь на таких условиях. Договорились?

— Ты не шутишь? — в синеве темных зрачков зажглась неистово-восторженная заря. А следом посыпалось: — Ты поговоришь с матушкой? Убедишь ее? Проследишь, чтобы она...

— Обещай сперва, что от арганта – ни ногой. Принять, отлететь и сопроводить на Сивеллу — вот ваша задача.

Юноша согласен был на любые известные ограничения, лишь бы пустили принять, отлететь и сопроводить... И все же Эллей нутром чувствовал восстающие в родной крови противоречия, бурлящие так, что буйные крылья вот-вот вырвутся, и выросший птенец вспорхнет и унесется к огнедышащему своему броненосцу – делить тоску разлуки вперемешку со счастливой влюбленностью. Обыкновенно с этих башен они с Кеддой и срывались на потоки ветров, расправляли крылья над мощью водопада, выше туманных кромок, расчерчивали горизонты, обгоняя птиц... когда Тея не видела...

— Не сейчас, сын, — тихо предупредил Эллей. — Показательные полеты откладываются. Вас с Кеддой ждут к семейному обеду. Уже, между прочим, пора.

— Отец, ты чувствуешь что-нибудь... в отношении Флеры? — страждущий взгляд обратился к Эллею. — Не жалею, пусть любая, но правда...

— Твое – останется с тобой, — убежденно ответил Эллей, заглядывая в самую глубину мальчишеских зрачков, смешанно темных с яркими голубыми прояснениями.

— Как ты понял, что у вас с матушкой... насовсем? — с мучительно-мечтательным выражением выговорил юноша.

Глядя на томно плывущую под ними облачную кисею, в которую окунается Баэль, Эллей дал волю отцовским чувствам, стиснул возмужавшую плоть:

— Просто понял... И ты поймешь, дай срок...

Глава 9. Главные приметы

Джейс удовлетворенно щелкнул хронометром, отключив связь. Прошелся по импровизированному лагерю: аккуратная, вполне одомашненная полянка озарена полноликой, «настоящей» в смысле цвета, густо-желтой луной. Астрономическое нарицание оной остается неведомым, равно как и просторечное, по меньшей мере до утра. Ее измученное высочество

изволят отдыхать и сих подробностей поведать пока не в состоянии, и упаси ее Провидение от досрочного пробуждения.

Она давно уже крепко спала, а он все чувствовал на себе ее руки, в ужасе (или в зарождающемся доверии) сжимавшие его накидку...

Выбравшись из чащобы, он и не заметил, как донесся до ручья, а по-оленьи перемахнув его – до полноценного речного перелива с величественными белыми порогами выше по течению. На берегу, показавшемся безопасным (без признаков хищной публики, ненадежного зверья или предвзятых духовных пугал), они и остановились. В поднебесье живописно и красочно разгорался закат с багровеющим переходом в убедительную ночь, а не находившую себе места от горя и усталости спутницу нужно было срочно обеспечить пропитанием, горячим питием и сном, залечивающим даже самые отчаянные раны.

Пока она трогательно, порывисто всхлипывала, кутаясь в его плащ, лейтенант по отработанной технологии скоренько соорудил место обогрева в виде костра, благо валежник наличествовал в изобилии, пристроил к нему малый, но вместительный котелок с водой.

Заварив ароматную лесную мяту с малиной, капнув витаминной эссенции из запасов вещмешка, преподнес эликсир леди, настолько разбитой невзгодами, что, похоже, она мало что замечала. Возможно, и суетившийся вокруг нее лейтенант воспринимался бесплатным приложением к дорожным невздам. Кубок она осушила, впившись в согревающую медь тоненькими пальцами, не уточнив, чем ее потчуют. Из еды предложены были сытные сухие бисквиты, сухарики самой добротной выделки из темной цельной муки, вяленая оленина из королевских запасов, немного орехов и засушенные фрукты.

Пока она автоматически выполняла рекомендации касательно насыщения, он разбил тент, устлал брезентовый покров высохшей травой, сколько мог найти, не слишком далеко отдалаясь от костра – она жутко боялась остаться одна, и втайне это ему польстило. Значит, его уже воспринимают как спутника. Затем он спровадил ее внутрь палатки, вручив свой плащ в качестве накидки, должной сыграть роль походного одеяла. Она все выполнила безропотно, даже разрешила подвести ее за руку к входу в брезентовую пещерку. Потом опомнилась, взглянула оторопело и весьма вопросительно. Джейс верно понял ее опасения.

— Сударыня, — отвечал он созданию, у которого не доставало сил для элементарного испуга, не говоря уже о полноценном сопротивлении, — ваш покорный слуга проведет ночь на поляне, охраняя ваш сон, с благословения и под присмотром лесной богини, не станем все поминать ее прекрасное имя Нийя. И уверяю вас, я отчетливо помню, как богини обходятся с теми, кто презирает клятвы, особенно под покровом ночи. Если можете, исполните мою просьбу: спите спокойно. Накидка не даст вам продрогнуть, брезент убережет от росы. С утра мы двинемся в путь, а пока наберемся сил. Пусть звезды напоют вам самую светлую колыбельную. Если захотите пить или еще что-нибудь – я к вашим услугам.

Заплаканное создание грустно и безнадежно глянуло ему в глаза, вяло переплетая порядком растрепанную косу, поняливо на сей раз вздохнуло и скрылось за брезентовым пологом. Впрочем, на секунду выглянуло, проронило устало:

— Благодарю вас за деликатность. Покойной ночи, — и далее не тревожило ни просьбами, ни слезами, ни подозрениями, ни походами к разогретому котелку или наоборот. Очевидно, леди скоропостижно уснула под воздействием мятного напитка, чрезмерного переутомления, тягостных огорчений и, надо все же полагать, ласковых звездных сонетов.

Не успел страж выдохнуть полной грудью, ведь процесс восстановления девичьих сил с каждой минутой набирал обороты, настала пора ликовать еще раз, и по-крупному. Его хронометр будто пришел в сознание, либо они покинули аномальную, непроходимую зону отчуждения, либо те самые певучие небесные астры принесли посредством мягкого голубоватого света долгожданную весточку от друзей.

С ним наконец-то связался Рони, и это поистине стало прорывом в череде странных событий, начинавших на уровне интуиции не слишком Джейсу импонировать. Аргант, межзвездный кораблик-веретенце, имел в арсенале совершенно нетривиальную библиотеку и в придачу к ней врожденное чутье, затмевающее всех известных летописных персонажей одноименной эпохи создания (то есть жутко древних, исконно чистых, сотворенных чуть не на заре веков, не обезображенных «эволюцией нравов»).

Рони не был человеком, путешествующим на арганте. Он сам являлся аргантом и одновременно – естественным и незримым его интеллектом. Рони проявлял себя логически, более чем разумно и вполне в духе человека эмоционального и высокоинтеллектуального, лишенного обычной плоти, вместо нее облаченного в пронзающую пространства сталь.

К слову, именно аргантам, согласно замыслу Вышней Художницы, выпала честь легкого и небрежного, сродни прогулочному перемещения в измерениях, или параллельных мирах Версы (что до сей поры остается недоступным даже для сверхсовременных аппаратов, изобродивших межгалактику).

Логично предположить, что Рони и Хронос (великий Измеритель Времени в чертогах Тер-Реона), тождественно продвинутые в деле покорения пространств, говорили бы на одном языке и прекрасно договорились бы, если их познакомить.

Есть пословица, мол, древнее золото редко блеснит. Намедни, вот, представился случай – блеснули так блеснули... Может, оно и так, только стоит добавить: золото таковое неизмеримо дорого ценится. Словом, со стороны Джейса Рони доставалось все возможное уважение.

Посему, увидав на циферблате головокружительный каскад словописаний на тему «Малость приунывшие обнаружили порядком заплутавших» и «Какое же это человеческое счастье!», Джейс ничуть не слукавил, отбив «Безмерно рад слышать вас, друзья мои», не скупясь на тонны восклицательных знаков и приветственного символизма.

«Поелику мы не то чтобы нервничали – мы истерили, — обрадованно сообщил Рони и прибавил жирным заглавным начертанием: — Ваше превосходительство, а может, ну их уже, эти леса Лейланда? Готовы принять на борт леди и джентльмена сиюминутно. Каюта для мисс оборудована в лучшем виде. Желательно бы уточнить доподлинно: какой стиль оснащения приятен юной леди – которой, стало быть, эпохи, подобия, цветовой гаммы и тематики, хотя бы в общих примерных выражениях, для соблюдения всех нюансов персонального подхода к неизбежаемому пребыванию в Астриосе [2. – Астриос – древний термин, обозначающий космическое пространство.]. Дабы гармонично соответствовать предпочтениям леди относительно пирамиды потребностей, к коим я бы контекстуально отнес палетку ароматов, официальных и не очень, гардероб базовый и «все дополнительное вписать», мелодические амбре: скрипки, валторны...».

«Иннир с вами?» — совершенно логично спросил Джейс, и что-то внутри непробиваемой лейтенантской сути крайне чувствительно дрогнуло.

«Никак нет, — отвечал Рони. — Заберем чемпиона, как только вы запросите нашего участия».

Рони не зря торопил встречу – его нечеловечьи рефлексy заставляли предположить, что дело нечисто. Слегка успокоившись, аргант сообщил, что все, включая Баэля, проявляют невиданное сопереживание. Мягко и идиоматически выражаясь, не все гладко в тех широтах, куда его превосходительство угораздило: в окрестностях, судя по оглушительно ревушим новостям, пропала принцесса с выдающимися приметами. А это, судари мои, не ведро кабачков с огорода, которое особо никому не надо, потому что у всех навалом, и куда бы самому сплавить.

И до сих пор бедняжка не обнаружена ни доблестной, являющей пример самопожертвования стражей, ни горе-соглядатаями, ни доброхотными крестьянами, держащимися в околотках и на комариных болотах как дома. Безутешный отец, король Лим-Норма, властитель северных областей Неер, самолично и без передыха обследует с гончими ветроломы Роял-

Лиима. В общем и целом, хорошего мало, ибо пропажа не найдена: ни телесно, ни в виде следов. В заверти Лейланда публика соваться зарекается, с собаками ищут психически тронутых, которым что только не грозит в случае успеха. Предложения очень выгодные, с точки зрения стабильного финансового взлета и общественного рейтинга. Иноземные женихи резко активизировались: наводняют столицу, вспугивая население, рыскают в захолустье, будто им всем вместе взятым посулили нечто особенное. Столько их развелось в близлежащем бору, что они постоянно в нем сталкиваются, как лесорубы. Не зря это все.

Далее, по портрету исчезнувшей: юная, хрупкая такая, облегченно вооруженная, не в меру образованная принцесса из местечка – имя не называют в интересах заявителей (мол, это важная и страшно чреватая государственная тайна). Платье полудетских величин, черное, ниспадающее, в ночи неприметное, алира [3. алира – сивелльское прозвание легкого капюшона] вместительная, широкополая, позволяющая легко скрыться, в смысле лица и доброй половины туловища. Форма рейтуз приметная – очень стройная ткань. Словом, повезет тому, кто ее найдет, хотя бы в плане эстетики. Волосы запоминающиеся, цвета горящего заката, цвет глаз засекречен, но аллегорически толкуя – с намеком на живой изумруд.

Смутные, но выдающиеся приметы, редкостный по типу экземпляр для розыска... Хорошо еще, пол принцессы честно обнародован жандармерией как девичий, и оспариванию не подлежит. А это великое дело, иначе бесполою бедняжку совсем невозможно было бы сыскать среди сотен тысяч подданных...

Попрощавшись с преданным своим информатором и сотоварищами, Джейс удовлетворенно выдохнул и, мечтательно заложив за голову руки в имитации изголовья, улегся у тента ее высочества под одобрительно мерцавшим поднебесьем. Безымянные звезды, трепеща лучиками, обещали безоблачный денек и что-то в довесок. Маяться и бездельничать точно не придется.

Часть вторая. Коротко, да долго

Глава 1. Под сенью стратима

— Диона – прошу любить и жаловать!

Скрипучее, тонкоголосое вибрато с престранным смыслом заставило Джейса подпрыгнуть. Как ужаленный он обернулся – в трех шагах, сгорбившись, тараша желтоватые, обесцвеченные временем очи, опирался на посох корявого вида старец с белой как лунь бородушкой, спускавшейся ниже колен, как говорится, в пол. Видом он доброкачественно походил на типичный лесной пенек, одухотворенный под воздействием неведомой силы. Худенькая пеньковая веревка дополняет долгополую тунику происхождения вполне заурядного, вида жесткого амбарного мешка, без мещанских изысков; с экзотичного пояска по подобию колокольцев свешиваются желуди и некое противовоспалительное разнотравье.

Откуда тщедушное видение обозначилось? Как сподобилось прорваться к шатру принцессы под носом у матерого стража? Глава легиона, твою дивизию... Выросло разве что на месте древесного отростка, который Джейс в хозяйственном гоноре приспособил для трапезных целей? Похоже на то – кубок принцессы аккуратно валяется на траве, вместо того чтобы дожидаться госпожу как положено, на зыбком прототипе круглого кофейного столика... И кто такая Диона, если на то пошло? Не совсем подходящее прозвание для старца архетипа крайне аскетичного. И не принесло ли его, негодника, по душу охраняемой?

Примерно такие вопросы и ответы проносились со скоростью мысли в полушариях у рыцаря, застигнутого врасплох вопреки опыту. Но обнажать оружие против столь пожилого представителя семейства древоподобных...

— Не трать порох, мил человек. Нетути принцессе угрозы в сем пересечении меридиана с параллелью, — продребезжало ему в лицо. — Чай, не дурачье здесь возвращено. Даже если смотреть-то не на что, так это еще и оспорить можно...

Джейс усилием воли собирал враз утерянные навыки общения. В этом ему помогли: вглядевшись, он удостоверился, что посох в усохшей старческой длани выглядит до неприличия приметным. И сияющая отметина на нем имеется, и старче охотно ее демонстрирует. Джейс очень сожалел, что посох покинул его, – что ж, выбора не было.

— Милости прошу к огню, отче, погреться, — предложил он крайне учтиво, поняв, что перед ним посланник.

— Эхе-хе, — скрипнул дедок, точь-в-точь как одряхлевший пенек, на который усаживается какая-нибудь непочтительная личность. — Огонек-то нам не особо...

В самом деле, пригласить останок леса понежить древесину у прожорливого кострища...

Джейс поклонился в знак смущения вкупе с горой извинений по поводу нечаянных культурологических несостыковок. Усмехнувшись, старик приблизился. Загрубевшее, шершавое обличие его потрескивало и постанывало, как ветви на ветру.

Потрясение как эмоция давно покинуло пределы джейсовой сущности. Точнее, с момента вступления в лейландскую артель он как-то свылся с данностью старушек, кукушек и им подобных таежных элементов.

— Диона! — изрек старик, ритуально простирая посох ввысь, к переливавшемуся в масляно-желтом гало лунному лику. — Согласно преданиям – Вежды Полночи, просветляющие иных странников...

— И пришельцев, смею надеяться? — догадался Джейс.

Старик довольно хмыкнул, выпрямился представительно, подбоченился, выставляя удручающие подробности хилого торса.

— Чем могу служить, отец? — до Джейса дошло, какого именно поведения ожидают от него под пристальными, просвещающими Веждами Полночи.

— От костерка я, пожалуй, откажусь, — благосклонным дребезгом откликнулся тенорок, — а вот все оставшееся, приличествующее доброму приему, нисколько не отвергаю!

Джейс смотрел на гостя слегка озадаченно, сияясь причаститься к его ожиданиям хотя бы наполовину.

— Что там у вас плескалось-то в кубках? — по-простому осведомился старик. — Прямо над иссохшими моими сединами...

Джейс встрепенулся, заверил, что почтет за честь приготовить особому гостю дубравный напиток с изысканным бергамотовым букетом. Запалит лишь еще сухостоя, вскипятит воды, и пока дедушка отдыхает...

— Умом вы тронулись дорогою, мил человек? — ворчливым тоном оборвал его дедушка. — Или, стало быть, этаким манером в ваших заоблачных обителях посланников привечают? Букетами сухостоя?!

— Все, что в моих силах, — уверил Джейс, напрочь сбитый с толку. Вспомнил про спящую в двух ярдах спутницу, метнул взгляд на шатер.

— Не слышит она, — успокоительно махнул рукой старик. — Племянники стараются, дрему наводят, приятственные сюжеты навевают – не сон, а томление юности... Добираться-то вам еще прилично, на руках до царских конюшен ни одной девки, мил человек, не снести... Истис-заступник и все лихие чудотворцы! — почти завопил он, видя разразившееся остолбешение. — Ну, *состав*-то у тебя имеется? На особый, то бишь, случай! — финальное слово, разумеется, звучало по старообрядческому канону, с последним ударным слогом.

Джейс прилежно активировал память, стойко и непонимающе пялясь в бесцветные глаза, полыхавшие неразгаданной пока надеждой. Предвкушением неземной улады, не иначе.

— Тубус. Резервуар... — объяснял старик, подкрепляя речь непереводаемыми жестами, которыми в заоблачных обителях обыкновенно описывают женский организм с его бесподобными формами. — Ну, *фляжка* с особым летучим либо горючим раствором, — он многозна-

чительно потер руки, — наличествует у вас? Али в Светлых континентах вовсе позабыли об искусстве гостеприимства?

В голосе его сквозила невообразимая укоризна. В глаза пристыженный Джейс старался не смотреть.

— Ах, тубус... Как не быть, — вымолвил он, улыбаясь, уразумев желание гостя.

Пенек для восседания на поляне отсутствовал по вполне понятным причинам. Дико потрескивая, старичок согнул колена, опустился на сооруженную Джейсом поленницу, нетерпеливо взгляделся в подносимую серебристую фляжку с поистине целительными эфирами.

Джейс слегка замешкался, охваченный беспокойством: что если предложенный для восседания табурет представляет собой опять-таки переплетение чьих-нибудь невеликих, но одухотворенных сущностей, не предназначенных для столь грубого обращения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.